

Этот журнал выходит четыре раза въ мѣсяцъ. Подписная цѣна, серебромъ, за годъ 14 руб. 30 коп., за полгода — 8 руб. На почтовую пересылку за годъ 1 рубль 50 копѣекъ, за полгода 75 копѣекъ. За доставку въ С. Петербургѣ на домъ, въ теченіе года или полу-года, 70 копѣекъ.

Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ К. А. Полеваго: 1) въ С. Петербургѣ, на Невскомъ-Проспектѣ, въ домѣ Рогова, противъ Думы; 2) въ Москвѣ, на Тверской, въ домѣ Матвеевой. Иногородные адресуются въ Газетную Экспедицію Санктпетербургскаго Почтамта.

№ 4. МАРТЪ 1844.

A. 139
36

~~438~~

СЫНЪ

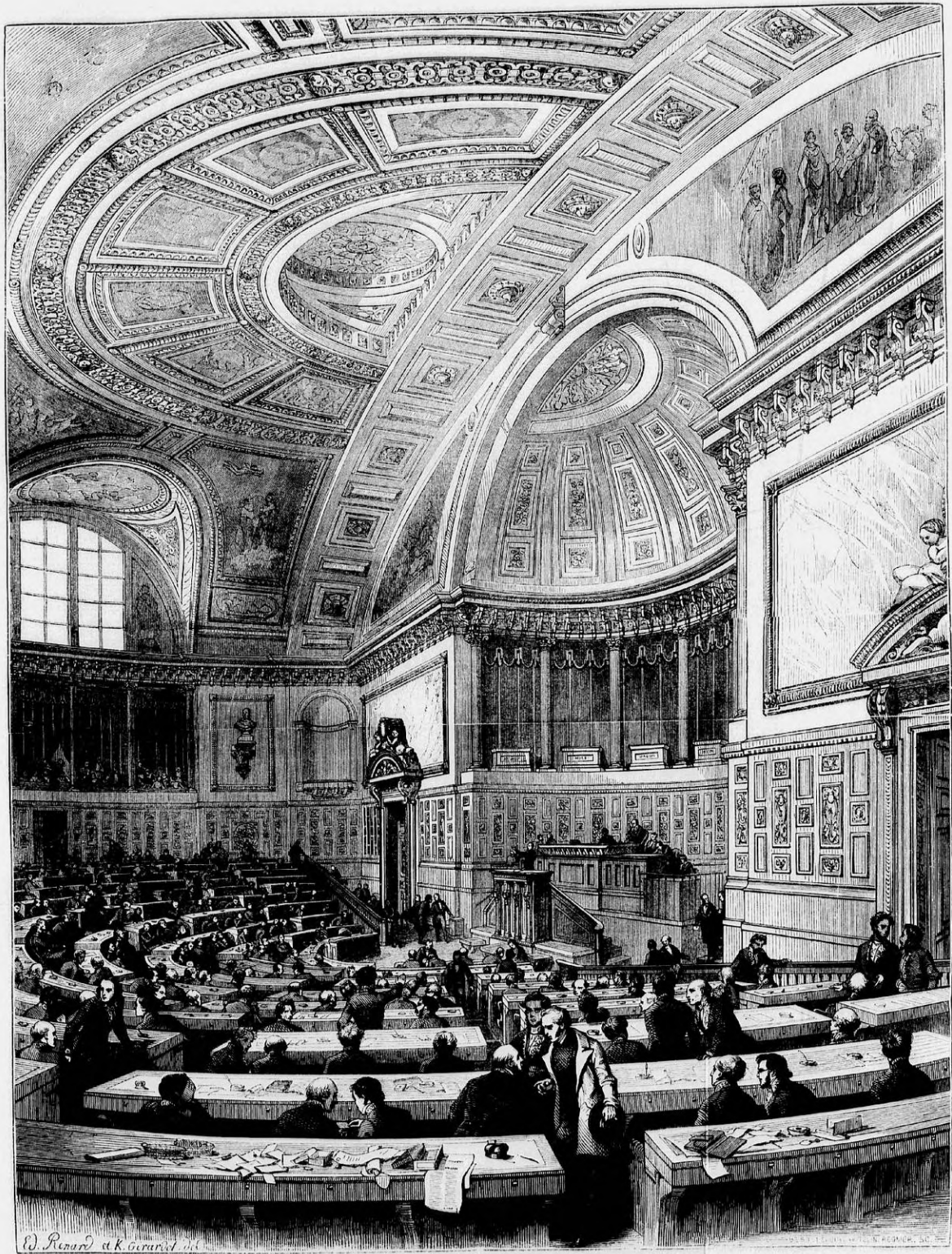
ОТЕЧЕСТВА.

СОДЕРЖАНІЕ.

Современная Исторія и Политика. Внутреннія и заграничныя извѣстія. — Иностранная Словесность. Диккенсъ. — Русская Исторія. О происхожденіи некоторыхъ дворянскихъ фамилій русскихъ изъ Польши. — Сильс. Мексиканскіе разбойники. — Путешествіе Керимъ-Хана. — Минеральныя источники. — Необыкновенная молнія. — Смоляное озеро въ Техасѣ. — Необыкновенное волненіе у береговъ Корваллиса. — Дыханіе растений. — Костики гигантскихъ птицъ. — Приготовленіе розоваго масла въ Аравіи. — Библиотеки во Франціи. — Сталактитовый гротъ. — Пловучее свойство матраца изъ пробковаго дерева. — Статистическія свѣдѣнія о Китаѣ. — Парижскіе Театры. При этомъ номерѣ приложенъ рисунокъ, изображающій Палату Перовъ во время засѣданія.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ-ВТОРОЙ.

W. Russell & Co. engravers

1857

132
36

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

Выходитъ четыре раза въ мѣсяцъ. Подписная цѣна, серебромъ, за годъ 14 руб. 50 коп., за полгода—8 руб. На почтовую пересылку за годъ 1 рубль 50 копѣекъ, за полгода 75 копѣекъ. За доставку въ С. Петербургъ на домъ, въ теченіе года или полугода, 70 копѣекъ.

Журналъ

Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ К. А. Полеваго: 1) въ С. Петербургъ на Невскомъ-Проспектѣ, въ домъ Рогова, противъ Думы; 2) въ Москвѣ, на Тверской, въ домъ Мятлевой. Иногородные адресуются въ Газетную Экспедицію С. П. бургскаго Почтамта.

ПОЛИТИКИ, ИСТОРИИ, СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ И ХУДОЖЕСТВЪ.

№ 4. МАРТЪ 1844.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ-ВТОРОЙ.

Современная Исторія

и Политика.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Въ 25 день Марта сего 1844 года даны слѣдующіе Высочайшіе рескрипты:

1) На имя Г. Военнаго Министра.

Князь Александръ Ивановичъ! Наблюдая неослабно за ходомъ Военно-Сухопутнаго Управленія, Я съ особеннымъ удовольствіемъ вижу, что всѣ обязанности и распоряженія Министерства по личному составу, снабженію и довольствію войскъ, выполняются съ совершеннымъ успѣхомъ и сопровождаются самыми удовлетворительными послѣдствіями. Подъ вашимъ начальствомъ, Военное Министерство собственными средствами и безъ всякаго пособія со стороны Государственнаго Казначейства, но единственно благоразумнымъ хозяйствомъ и распорядительностію успѣло составить весьма значительные денежные и вещные капиталы и продовольственные запасы; окончательное же устройство отчетности, утвержденной на прочныхъ и ясныхъ началахъ, вполне обезпечиваетъ ихъ цѣлость и правильность употребленія. Такимъ образомъ,

вашею неуспѣшно дѣятельностію, бдительнымъ надзоромъ и благонамѣренными усиліями, втеченіи семнадцати лѣтъ, поставлены всѣ части сего обширнаго и многосложнаго Управленія на ту высокую степень порядка, на которой Я желалъ оныя видѣть. Отдавая всегда справедливость важнымъ государственнымъ заслугамъ вашимъ, Я и нынѣ съ искреннимъ чувствомъ возобновляю вамъ за достохвальное служеніе ваше Престолу и Отечеству Мою полную и совершенную признательность, и во ознаменованіе оной Я вмѣстѣ съ симъ повелѣлъ С. Петербургскому Уланскому и Кабардинскому Егерскому полкамъ, коихъ вы состоите Шефомъ, именоваться впредь полками имени вашего. Препываю къ вамъ навсегда неизмѣнно благосклонный.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

НИКОЛАЙ.

С. Петербургъ, 25 Марта 1844 года.

2) На имя Г. Министра Народнаго Просвѣщенія.

Сергій Семеновичъ! Обращая постоянное вниманіе на дѣйствія ввѣреннаго вамъ Министерства, Мы неоднократно имѣли убѣжденіе, что неутомимыми трудами вашими образованіе во всѣхъ отрасляхъ, развивается согласно видамъ Нашимъ. Въ ознаменованіе неизмѣннаго къ вамъ благоволенія Нашего Всемилоствѣйше жалуемъ вамъ алмазные знаки Ордена Св. Александра Невскаго, пребывая навсегда вамъ благосклонны.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

НИКОЛАЙ.

С. Петербургъ, 25 Марта 1844 года.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Изъ Висбадена отъ 26 Марта пишутъ слѣдующее: «Съ ранняго утра господствовало сегодня необыкновенное движеніе на главныхъ улицахъ города. Всю ночь была буря съ дождемъ, но къ утру погода прояснилась, и солнце освѣтило радостныя приготовления. Въ три четверти третьяго, сто однимъ пушечнымъ выстрѣломъ было возвѣщено о прибытіи Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Елисаветы Михайловны и Августѣйшаго Супруга ея, Владѣтельнаго Герцога, въ черту города; черезъ полчаса, Высokie Путешественники позволили торжественно вѣхать въ столицу. У триумфальныхъ воротъ сдѣланъ былъ установленный приемъ. Оттуда Августѣйшіе Путешественники поѣхали во дворецъ, сопровождаемые криками: ура! Ея Императорское Высочество казалась очень довольною, и привѣтливо кланялась во всѣ стороны. Когда Августѣйшія Особы вышли на балконъ, начался церемониальный маршъ, въ порядкѣ, установленномъ программой. Особенное вниманіе обратили на себя поселане, представители двадцати-осьми округовъ Герцогства, въ разнообразной одеждѣ каждаго округа. Вечеромъ, въ девятомъ часу, граждане и члены ремесленныхъ цеховъ совершили, передъ дворцомъ, торжественное шествіе съ факелами, а хоры музыкантовъ двухъ полковъ, вмѣстѣ съ соединенными обществами пѣвчихъ, въ которыхъ было болѣе шестисотъ членовъ, исполнили серенаду передъ Августѣйшими Особами.»

Сообщаемъ замѣчательнѣйшія извѣстія изъ Парижа. Королевскимъ декретомъ отъ 25 Марта Парижскій Префектъ Полиціи Г. Делессеръ возведенъ въ званіе Пера Франціи. Этотъ декретъ прочитанъ былъ въ засѣданіи Палаты Перовъ 27 Марта. Потомъ начались совѣщанія по проекту закона объ охотѣ, утвержденному Палатою Депутатовъ послѣ преній, о которыхъ мы уже сообщили во 2-мъ номерѣ *Сына Отечества*. Предполагая, что читателямъ нашимъ любопытно было бы взглянуть на залу, гдѣ бывають засѣданія Французской Палаты Перовъ, прилагаемъ при этомъ номерѣ журнала рисунокъ, снятый съ натуры двумя парижскими художниками Ренаромъ и Жирарде. Онъ изображаетъ Палату Перовъ во время засѣданія. На возвышеніи, въ креслахъ, вы видите Президента Палаты Перовъ, Канцлера Франціи, Барона Пакве, котораго портретъ мы приложимъ при слѣдующемъ номерѣ нашего журнала. Рядомъ съ нимъ,

по пониже, полъвую и по правую его сторону, сидятъ четыре секретаря Палаты Перовъ, а еще пониже, съ праваго и лѣваго края, помѣщаются по одному секретарю-архивариусу. Передъ нимъ на каедрѣ, съ поднятою рукою, стоитъ Перъ Франціи, который говоритъ рѣчь Палатѣ. Прочіе Перы помѣщаются на скамьяхъ, расположенныхъ, въ нѣсколько рядовъ, полукружіемъ противъ каедры. На передней скамьѣ, ближе къ каедрѣ, съ лѣваго края сидятъ министры, съ праваго предоставлена одна скамья для Депутатовъ, которые здѣсь ничего не говорятъ, а только слушаютъ. Надъ скамьями, подъ окномъ, вы видите три ложи или трибуны, гдѣ помѣщаются любопытные посѣтители и зрители, не имѣющіе права участвовать въ преніяхъ Палаты. Этихъ трибунъ или ложъ числомъ пятнадцать. Онѣ огораживаютъ полукружіемъ скамьи, гдѣ сидятъ Перы. Средняя ложа, которая приходится прямо противъ креселъ Президента, назначена для журналистовъ, другая для офицеровъ національной гвардіи. Назначеніе прочихъ ложъ неопредѣленно и измѣнчиво.

Перейдемъ теперь въ Палату Депутатовъ и взглянемъ, что тамъ дѣлается. Въ засѣданіе 17 Марта начались въ ней пренія, повторяемыя ежегодно, о суммѣ на секретные расходы. Проектомъ закона требуется на эти расходы Министерствомъ на нынѣшній годъ кредитъ въ миллионъ франковъ. Прежде всѣхъ взошелъ на каедрѣ Г. Фердинандъ Барро. Онъ жаловался, что правительство мало сообщаетъ свѣдѣній объ употребленіи секретныхъ суммъ; находилъ, что въ государствѣ вовсе нѣтъ такого волненія умовъ, для укрощенія котораго нуженъ былъ бы миллионъ, и въ заключеніе объявилъ, что онъ подаетъ голосъ противъ проекта закона, потому что не питаетъ вовсе никакой довѣренности къ Министерству. — Г. Ледрю-Ролленъ, говорившій также противъ проекта закона, осуждалъ въ особенности вышнюю политику Министерства. Онъ сознался однако жъ, что частыя перемены Кабинетовъ во Франціи оказывали неблагоприятное вліяніе въ этомъ отношеніи, не доставляя Кабинету достаточной свободы во вышнихъ дѣлахъ. Другое его обвиненіе заключалось въ томъ, что Министры Иностранныхъ Дѣлъ въ послѣднее время часто не были полными распорядителями своихъ поступковъ. Однажды депеша бывшаго Министра Тьера была задержана въ продолженіи нѣсколькихъ дней, такъ что онъ долженъ былъ объявить въ Палатѣ: «Я бы долженъ былъ все знать, но не обо всемъ поставляемъ былъ

въ извѣстность.» Ораторъ привелъ также случаи, отпосившіеся къ восточному вопросу и къ праву осмотра кораблей, когда Французскій Посланникъ получалъ инструкціи, явно проистекавшія не отъ Министерства. — Бывшій посланникъ, *Маршалъ Себастиани* прервалъ оратора и сказалъ: «Достопочтенный Депутатъ тяжело грѣшитъ, выставляя здѣсь подъ прозрачнымъ покровомъ имя, которое въ преніяхъ Палаты никогда не должно быть вмѣшиваемо. Если же упрекъ касается до меня, то я признаю себя одного виновнымъ; я не получалъ ни одного повелѣнія, ни одного сообщенія иначе какъ черезъ Министерство.» — Г. Ледрю-Ролленъ: «Я привожу только фактъ, который я заимствовалъ изъ словъ Графа Моле.» — Г. Гизо: «Это ложный фактъ.» — Г. Ледрю-Ролленъ: «Пусть рѣшитъ страна. Я спрашиваю членовъ большинства, которые, конечно, желаютъ, чтобы Государственное уложеніе свято исполнялось, одобряютъ ли они то, что въ извѣстныхъ случаяхъ безответственная власть...» — Г. Гизо: «Такой власти нѣтъ.» (Въ центрѣ: «къ порядку!» Голоса съ лѣвой стороны: «Договаривайте!») — Президентъ: «Здѣсь можетъ быть рѣчь только объ отвѣтственности Министровъ и Посланниковъ за дѣйствія, лично отъ нихъ происшедшія; намеки на неприкосновенную власть не дозволены въ Палатѣ.» — Не смотря на то, Г. Ледрю-Ролленъ продолжалъ говорить въ томъ же смыслѣ, безпрерывно прерываемый. Съ разныхъ сторонъ слышались восклицанія: «Къ порядку! какое безуміе!» и тому подобныя. — Г. Гизо: «Я убѣжденъ, что ни одинъ изъ Министровъ, на которыхъ намекаетъ почтенный Депутатъ, не откажется принять на себя отвѣтственность въ приводимыхъ фактахъ. Если Министръ не отвергаетъ факта, то онъ прикрываетъ его своею отвѣтственностію; по этому не должно обращать отвѣтственность на другую власть, о которой не слѣдуетъ здѣсь упоминать, развѣ для того только, чтобы прославлять ее за добро, ея совершенное. Увидимъ найдется ли хотя одинъ Министръ, который бы отвергъ мои слова.» — Г. Ледрю-Ролленъ: «Г. Министръ Иностранныхъ Дѣлъ думаетъ остаться вѣрнымъ бывшимъ примѣрамъ, и въ этомъ случаѣ я не вмѣню ему въ упрекъ его самоотверженія, его великодушія.» (*Сильнѣйшій ропотъ.*) Въ центрѣ: «Къ порядку!» Одинъ членъ: «Вы замѣшиваете высшую власть въ пренія.» — Г. Гизо: «О великодушія здѣсь не можетъ быть рѣчи.» — Г. Дюшатель: «Это невыносимо!» — Многие голоса: «Г. Президентъ, обратите оратора къ порядку!» — Президентъ: «Г.

Ледрю-Ролленъ, то, что вы сказали, противорѣчитъ нашимъ учрежденіямъ. Я прошу васъ оставить этотъ путь.» — Г. Ледрю-Ролленъ: «А я на немъ остаюсь, потому что онъ одинъ истинный.» Онъ заключилъ рѣчь свою слѣдующими словами: «Мы желаемъ парламентскаго правленія, а вмѣсто него имѣемъ правленіе, поддерживаемое силою и подкупами.» (*Изъявленія неудовольствія.*) Послѣ него вступилъ на каедрѣ Г. Ламартинъ. Онъ порицалъ политику Министерства, къ которому онъ не питаетъ довѣренности, потому что, по словамъ его, оно унизило Францію въ отношеніи къ Европѣ. Главные его упреки относились къ восточному вопросу. Г. Гизо отвѣчалъ ему коротко и сильно, выказавъ преувеличенія, допущенныя имъ въ рѣчи своей, и заключилъ, что Министерство рѣшилось придерживаться политики, которой оно слѣдовало доселѣ, и которая поддерживаетъ миръ въ Европѣ безъ нарушенія чести Франціи. Со многихъ сторонъ потребовали бамотировки, но по просьбѣ Г. Изамбера, объявившаго, что онъ желаетъ еще потребовать нѣкоторыхъ объясненій отъ Министровъ, пренія отложены были до слѣдующаго засѣданія.

Уже при началѣ засѣданія 19 Марта галереи и трибуны Палаты были полны, къ чему способствовало преимущественно ожиданіе вопросовъ Г. Изамбера насчетъ оборота, который отношенія правительства къ духовенству приняли въ послѣднее время. Въ 2 часа открыто было засѣданіе, подъ предсѣдательствомъ Г. Созе. Прежде нежели начались пренія, Г. Жюль-Ластейри, отъ имени оппозиціи, предложилъ измѣненіе въ проектѣ, заключавшееся въ томъ, чтобы вмѣсто миллиона франковъ назначить на секретные расходы только 950,000 фр., слѣдовательно, 50,000 менѣе. Потомъ Г. Изамбергъ взошелъ на каедрѣ и произнесъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, сильную рѣчь противъ проповѣдей духовенства, котораго жалобы по словамъ его, тѣмъ несправедливѣе, что оно все не подвергается нападеніямъ, и религія не претерпѣваетъ ни стѣсненій, ни угнетенія. Духовенство съ Епископами, продолжалъ онъ, стремится къ ниспроверженію общественныхъ учрежденій. Оно говоритъ, что религія въ опасностѣ; но это несправедливо. Въ заключеніе Г. Изамбергъ упрекалъ Министерство въ томъ, что оно, вмѣсто того, чтобы искать опоры въ судахъ, въ общественномъ мнѣніи, старается, по видимому, только замаять дѣло, подавить волненіе умовъ, произведенное духовенствомъ, и чрезъ то самое дѣлается причастнымъ винѣ его. — Хранитель печати отвѣчалъ на рѣчь Г. Изамбера и старался доказать фактами, что пра-

вительство неоднократно прибѣгало къ защитѣ законовъ противъ посягательствъ духовенства. — Г. Дюпенъ: «Я не буду говорить о проектѣ закона, относящемся секретныхъ расходовъ, но коснусь только вопроса, къ которому онъ подалъ поводъ. Между духовенствомъ обнаруживается почти мятежное движеніе, которое тревожитъ общественное мнѣніе. Это движеніе проявляется въ крестовомъ походѣ противъ университета. Потерпятъ ли Палаты, Франція, это нападеніе на университетъ, на законы, на государственныя власти, со стороны духовенства, которое должно было склонять къ повиненію имъ?» Развивъ въ болѣе еще энергическихъ выраженіяхъ эту мысль, Г. Дюпенъ присовокупилъ: «Будемъ покровительствовать духовенству; настоящее правительство сдѣлало для него болѣе, чѣмъ прежнія, во времена возстановленія Бурбоновъ и Имперіи. Будемъ также покровительствовать его служителей. Но пусть оно знаетъ, что мы живемъ не при такомъ правительствѣ, при которомъ оно пользуется главнымъ вліяніемъ; что порядокъ, покорность, суть первыя его обязанности. Если оно уклонится отъ нихъ, правительство будетъ неумолимо.» (Продолжительное волненіе.) Потомъ вступилъ на кафедру Г. де-Карне. Онъ сказалъ слѣдующее: «Я очень желалъ бы при настоящихъ преніяхъ вовсе устранить вопросъ насчетъ образованія юношества, но вынужденнымъ нахожусь замѣтить, что члены разныхъ учебныхъ заведеній обнаружили въ извѣстной полемикѣ чрезмерную живость, и что, слѣдовательно, страстное увлеченіе было не со стороны одной только партіи, а со стороны обѣихъ. Неблагопріятные признаки, внушающіе намъ теперь опасенія, непременно должны возобновиться; они, можетъ быть, примутъ другія формы, но будутъ не разъ еще возвращаться, до тѣхъ поръ, пока важное дѣло, о которомъ разсуждаемъ, не получитъ новаго устройства, сообразнаго съ нашимъ общественнымъ духомъ и съ нынѣшнимъ нашимъ законоположеніемъ. Съ 1789 года преобразование коснулось всего, кромѣ одной религиозной независимости. Ни времена стараго правленія, ни періодъ Имперіи не представляютъ удовлетворительныхъ законовъ, могущихъ окончательно и прочно установить отношенія между Государствомъ и Церковью. Неужели вы думаете, что строгое примѣненіе законовъ конкордата положило бы конецъ спорамъ? (Многіе голоса: «Довольно! довольно! все это не имѣетъ никакой связи съ секретными расходами!») Провозглашая неразрывное единство между политическою и религиозною независимостію, я хочу обратить вниманіе Палаты на вопросъ величайшей важности; необходимость рѣшенія этого вопроса, при всей его труд-

ности, съ каждымъ днемъ становится болѣе и болѣе ощутительно. (Многіе голоса: «Къ балотировкѣ!») Президентъ; «Теперь очередь Г. Гарье-Пажеса. — Министръ Народнаго Просвѣщенія, Г. Вильманъ: «Я требую слова.» — Со всѣхъ сторонъ: «Это бесполезно: къ балотировкѣ!» — Г. Дюбуа: «Прошу позволить мнѣ сказать только одно слово.» — Разные голоса: «Нѣтъ! Говорите! Къ балотировкѣ!» — Г. Гарье-Пажеса: «Я уступаю очередь свою Г. Дюбуа.» — Нѣсколько голосовъ: «Будетъ съ насъ! довольно!» — Г. Дюбуа: «Долгомъ считаю опровергнуть утвержденіе, будто бы члены университета начали ссору. Говорили о лекціяхъ въ Collège de France, но тамошніе профессоры не принадлежатъ къ университету; впрочемъ и они также отвѣчали только на жестокия выходки духовенства; я не хочу оправдывать употребленныхъ ими выраженій, но не надобно забывать до какой степени они были раздражены нападками вовсе несправедливыми и неожиданными. Достойно замѣчанія, что нынѣшнее волненіе духовенства почти совпадаетъ съ недавнимъ политическимъ движеніемъ извѣстной партіи во Франціи. Между государствомъ и духовенствомъ существуетъ контрактъ; если послѣднее нарушаетъ свою обязанность и преступаетъ границу, указанную уже самымъ его званіемъ, то я полагаю, что государство имѣетъ полное право уничтожить контрактъ и задержать доходы, получаемые духовенствомъ.» — Наконецъ, была произнесена рѣчь Г. Жюлемъ де Ластейри въ защиту предложеннаго имъ измѣненія: назначить вмѣсто требуемаго кредита въ миллионъ франковъ, только 950,000 фр. Онъ порицалъ политику Министерства относительно Испаніи, Отаити и права осмотра кораблей. — Министръ Внутреннихъ Дѣлъ сказалъ, что Кабинетъ долженъ противиться этому измѣненію потому, что видѣть въ немъ изъявленіе недовѣрчивости. — Одинъ изъ членовъ спросилъ, почему хотѣть исключить изъ смѣты именно только 50,000 франковъ; точно также можно бы удовлетворяться уменьшеніемъ кредита и пятьюдесятью сантимами. (Смѣхъ.) — Измѣненіе было отвергнуто рѣшительнымъ большинствомъ. Балотировка же проекта закона, которымъ требуется кредитъ на секретные расходы, имѣла слѣдующій результатъ: число голосовъ 394, необходимое большинствомъ 198, въ пользу проекта 225 голосовъ, противъ него 169. Проектъ былъ утвержденъ большинствомъ 56 голосовъ.

Иностранная Словесность.

ДИККЕНСЪ.

Въ самой Англіи есть критики, которые не совсѣмъ отрицаютъ талантъ въ Диккенсѣ, но и не хотѣть оценить, какъ должно, литературное значеніе своего даровитаго соотечественника. По ихъ мнѣнію, Диккенсъ едва ли возвышается надъ толпою эфемерныхъ повѣстчиковъ. Его романы, говорятъ, не болѣе какъ сборъ анекдотовъ, кое-какъ сплетенныхъ около первой попавшейся интриги, и если что возвышаетъ ихъ, дасть какой-нибудь вѣсъ, такъ это — умѣнье автора перемѣшивать готовые матеріалы съ собственными наблюденіями. Между-тѣмъ необыкновенная извѣстность вознаграждаетъ этого писателя за всѣ нападки критики, слабые возгласы которой чуть слышны изъ-за всеобщаго голоса публики. Сочиненія Диккенса расходятся десятками тысячъ экземпляровъ. Это показываетъ, какъ ничтожны для публики всѣ сужденія кропотуновъ. Почему же Диккенсъ пользуется такимъ огромнымъ успѣхомъ? Для рѣшенія этого вопроса всего лучше обратиться къ соотечественникамъ автора и потребовать у нихъ безпристрастнаго отчета въ впечатлѣніяхъ, которыя производитъ на нихъ чтеніе романовъ Диккенса.

Предлагаемъ нашимъ читателямъ разборъ сочиненій Диккенса, помѣщенный въ North American review. Извѣстно, что Диккенсъ пользуется такою же народностію въ Соединенныхъ-Штатахъ, какъ и въ Англіи. Поводомъ къ этому разбору были Notes for général circulation, очерки американскихъ нравовъ, съ которыми мы познакомили читателей въ первой книжкѣ Сына Отечества 1843 года.

Немного дѣтъ прошло съ-тѣхъ-поръ, какъ въ Morning-Chronicle явился цѣлый рядъ очерковъ, въ которыхъ кто-то живо и остроумно разсказывалъ про жизнь и нравы лондонскихъ жителей. Эти очерки, подписанные псевдонимомъ «Бозъ», такъ заинтересовали

публику, что почти всѣ любопытствовали узнать настоящее имя автора. Но этой загадки не могъ разгадать никто изъ жителей мрачнаго Альбіона. Любопытство охладѣло, и London sketches, быть-можетъ, остались бы навсегда погребенными въ колоннахъ журналовъ, если бы вскорѣ за тѣмъ не явился первый выпускъ Pickwick-papers, подписанный тѣмъ же псевдонимомъ. Это новое сочиненіе опять пробудило любопытство публики. Снова стали доискиваться, кто авторъ этихъ увлекательныхъ разсказовъ, и наконецъ открыли, что то былъ молодой человѣкъ, вовсе неизвѣстный прежде въ литературномъ мірѣ. Онъ успѣлъ овладѣть вниманіемъ публики, безъ всякихъ рекомендацій, одною силою таланта. Извѣстно, съ какимъ восторгомъ встрѣтили Pickwick-papers; вѣрно, не забыли еще, какъ англійскіе джентльмены, отправляясь на материкъ, доставляли въ контору журнала всѣ необходимыя о себѣ свѣдѣнія, чтобы только съ первою почтою высылали имъ каждый новый выпускъ. Всякой, у кого былъ лишній шиллингъ въ карманѣ, съ нетерпѣніемъ ждалъ дня, когда можно будетъ достать за него чудесные разсказы Боза. Толпы мальчиковъ разносили по улицамъ экземпляры Pickwick-papers, и бѣдняки, не имѣя возможности купить, платили по одному пенни въ часъ только за право читать ихъ.

Съ такимъ же энтузіазмомъ привѣтствовали новаго англійскаго писателя и въ Соединенныхъ-Штатахъ. Не было журнала, который бы не напечаталъ, на своихъ страницахъ нѣсколько отрывковъ изъ знаменитыхъ Записокъ пиквикскаго клуба. Ихъ перепечатывали во всѣхъ возможныхъ форматахъ и пускали по самой низкой цѣнѣ. Но, не смотря на всѣ усилія, столичные типографіи не могли удовлетворить всѣхъ требованій провинціальныхъ читателей. Словомъ, гораздо раньше чѣмъ приключенія мистера Пиквика пришли къ развязкѣ, имя Диккенса сдѣлалось классическимъ и во всѣхъ странахъ повторялось съ тѣмъ чувствомъ пріятнаго удовольствія, которое само-по-себѣ можетъ опредѣлять степень литературной славы автора. Съ-тѣхъ-поръ симпатія, родившаяся между Диккенсомъ и его безчисленными читателями, постепенно возрастала и укрѣплялась. Теперь слава плодовитаго писателя уже не ограничивается тѣми странами, гдѣ говорятъ на его родномъ языкѣ: сочиненія его переведены на всѣ образованные языки европейскаго материка; его остроуміе, оригинальность и патетическое могущество такъ же из-

вѣсны въ Германіи, Франціи, Итали и Россіи, какъ въ Англии или въ Америкѣ. Если вѣрить журнальнымъ извѣстіямъ, самые Турки, забывъ свою привычную важность, заливаются не совсѣмъ магометанскимъ хохотомъ надъ остротами Самуила Уеллера. Такая извѣстность тѣмъ болѣе удивительна, что время, съ своей стороны, не могло способствовать къ ея распространенію. Диккенсъ еще молодъ; въ недавнюю побѣдку его въ Соединенные-Штаты ему исполнилось только тридцать лѣтъ.

Англичане находятъ страннымъ, что Диккенсъ прибрѣлъ такую же народность въ Америкѣ, какою пользуется въ самой Англии. Судя по духу и цѣли его произведеній, по тѣсному кругу мѣстныхъ наблюденій, они считали его чисто-народнымъ писателемъ; имъ казалось невозможнымъ, чтобы сочиненія Диккенса были такъ же хорошо поняты и оцѣнены въ другомъ мѣстѣ, какъ въ его отечествѣ. А между-тѣмъ въ Америкѣ найдете гораздо болѣе читателей этого автора чѣмъ въ его родной Англии. Правда, это много зависитъ отъ перепечатыванія; но кромѣ того, мы можемъ сказать рѣшительно, что Диккенсъ, со всѣми странностями своего причудливаго гения, такъ же понятенъ для жителей Нью-Йорка и Филадельфи, какъ и для лондонскихъ зѣвакъ. Мы сами англійскаго происхожденія и сохраняемъ всѣ главные оттѣнки, всѣ характеристическія причуды англійскаго народа, развѣ съ самыми незначительными перемѣнами. Благодаря единству языка, британская литература такъ близка, такъ сродна намъ, что мы не нуждаемся ни въ толкователяхъ, ни въ комментаторахъ; а поэтому нисколько неудивительно, что сочиненія, которыми восхищаются по другую сторону океана, съ восторгомъ принимаются и у насъ. Душевное волненіе переносится, въ родѣ заразы, изъ одной страны въ другую, и всякой разъ, когда счастливое произведеніе гения разгорячаетъ кровь въ жилахъ Англичанъ, они могутъ чувствовать подъ своей рукою биеіе сердца американскаго. Впрочемъ, оставивъ въ сторонѣ всѣ эти умствованія, надо сказать и то, что писатели, подобные Диккенсу, всю свою силу почерпаютъ изъ самихъ себя; ихъ простыя и свѣтлыя мысли дѣлаются понятными безъ всякаго усилія; они не требуютъ отъ читателя никакой предварительной учености, никакихъ посвященій въ таинства литературы; различіе народовъ не представляетъ границъ ихъ вліянію. Они угадываютъ и схватываютъ въ природѣ

человѣка общія черты и, перемѣшавъ ихъ съ мѣстными особенностями, создаютъ цѣлое, которое никогда не погибнетъ, никогда не забудется. Такъ, шутки Фальстафа надъ забытыми нынче обыкновеніями вѣка Елисаветы и для нашихъ современниковъ не потеряли своей сатирической соли: Англичанинъ, Американецъ и Пѣмецъ до-сихъ-поръ понимаютъ ихъ и находятъ приятными. Кто скажетъ, что Донъ-Кихоть, бессмертное твореніе Сервантеса, современно намъ, а между-тѣмъ, кто не перечитывалъ съ наслажденіемъ этой очаровательной сатиры надъ причудами забытой старины? Гротески Аристофана, не смотря, что приготовлены поэтомъ для театра подъ небомъ республики, которой слѣды давно исчезли, не смотря, что закутаны въ покрывало такого языка, съ которымъ и самое ревностное изученіе не можетъ совершенно сроднить насъ, — эти гротески потеряли ли свой эффектъ? Нисколько. Стрелсиадъ и Фидиппидъ, Клеонъ и Демосъ такъ же извѣстны и нынѣшнему ученому, какъ были извѣстны Платону и Діонисию-Тирану; онъ такъ же хорошо понимаетъ ихъ и, вѣрно, съ такимъ же жаромъ сталъ бы рукоплескать этимъ сарказмамъ, какъ и афинская аристократія дѣлала это за шесть вѣковъ до нашей эры.

Изображеніе трогательныхъ происшествій, написанное мастерскою кистью, навсегда остается при своемъ обаятельномъ могуществѣ надъ человѣкомъ. Человѣкъ рожденъ для грусти, и каждый разъ, когда ему представляется вѣрный ея образъ, онъ невольно покоряется владычеству меланхолическаго сочувствія и горестныхъ воспоминаній. Разлука Гектора и Андромахи, написанная за три тысячи лѣтъ, каждый день находитъ отзывъ въ чувствительныхъ сердцахъ. Да, истинное изображеніе чувствъ и страстей, волнующихъ душу, владычествуетъ непреодолимою силою обаянія, которой ни что не можетъ разрушить.

Быть-можетъ, уже наступило время изслѣдовать, до какой степени Диккенсъ принадлежитъ къ числу тѣхъ писателей, которымъ суждено пережить свой вѣкъ. Часто случается, что литературная извѣстность вдругъ упадаетъ сама-собою. Авторъ, любимый однимъ поколѣніемъ, осуждается на забвеніе по прихотямъ другаго. Послѣ многихъ подобныхъ уроковъ, не слишкомъ надо полагаться на извѣстность современныхъ знаменитостей. Впрочемъ, слава Диккенса, кажется, опирается на твердое основаніе и смѣло можно обѣщать, что она

не угаснетъ и въ потомствѣ. Диккенсъ не изъ числа тѣхъ писателей, которыхъ весь успѣхъ ограничивался изображеніемъ современныхъ нравовъ, не изъ числа тѣхъ поэтовъ, которые блеснутъ на нѣсколько дней жеманнымъ слогомъ и кудрявымъ языкомъ, которые потомъ устарѣютъ и исчезнутъ навсегда. Простота, энергія и естественность — вотъ отличительныя свойства его сочиненій. Говорять, онъ рассказываетъ изъ одного удовольствія рассказывать, безъ всякихъ претензій; занятый, одушевленный своею повѣстью, онъ такъ же жаждетъ продолжать свое твореніе, какъ его читатели жаждутъ обѣщанной развязки.

Какъ творецъ характеровъ, Диккенсъ занимаетъ первое мѣсто между современными англійскими писателями. Тысячи читателей могли присмотрѣться, привыкнуть къ лицу, голосу, жестамъ Пиквика, Сама Уеллера и другихъ членовъ бессмертнаго клуба. Всѣ эти люди одарены совершенно полною жизнью. Пиквикъ такъ же впечатлѣвается въ памяти, какъ какое-нибудь шекспировское лицо. Уеллеры живутъ своею отдельною жизнью, которую мы узнаемъ какъ нельзя лучше. Винкль, Снодграссъ, Тупманъ, изображенные такъ рѣзко, рельефно, не позволяютъ сомнѣваться въ своемъ дѣйствительномъ существованіи. Кто не пожималъ руки этому доброму Бардлю? Кто не слѣдилъ съ особеннымъ любопытствомъ за процессомъ Бардла съ Пиквикомъ. Краснорѣчіе Безфеа можно встрѣтить вездѣ, гдѣ только процвѣтаетъ судебное краснорѣчіе. Въ Куртъ-Стритѣ вы каждый день можете видѣть Паркера, этого мелкаго чиновника съ бойкими приемами.

Оригинальность, остроуміе и юморъ Диккенса нѣкоторые критики ставятъ ему въ вину, потому-что эти, прекрасныя сами-по-себѣ, качества бросають тѣнь на серьезныя стороны его разнообразнаго таланта. Дѣйствительно, Диккенсъ неистощимъ въ шуткахъ, неожиданныхъ сравненій и живописномъ комизмѣ. Надо быть болѣе чѣмъ стоикомъ, чтобы устоять противъ его комизма; есть люди, которые готовы хохотать только при взглядѣ на обертку Pickwick-papers. Но надо прибавить, что остроуміе Диккенса никогда не переступаетъ границъ образованнаго вкуса и благородства; его сочиненія никогда не наполняются до излишества каламбурами и двусмысленностями; онъ заимствуетъ свои эффекты изъ странности сближенія, изъ неожиданнаго столкновенія противорѣчащихъ идей, изъ

подробнаго анализа оригинальныхъ характеровъ, изъ обстоятельнаго разсказа о какомъ-нибудь комическомъ приключеніи.

Къ несчастію, поверхностные умы останавливаются только на этихъ достоинствахъ. Они не въ состояніи замѣтить, что Диккенсъ тонкій и колкій наблюдатель и въ высшей степени надѣленъ поэтическимъ чувствомъ. Передъ нимъ открыты и красота вѣшной природы и глубина внутренняго духовнаго міра и симптомы страстей. Подъ прозаическою оболочкою часто находите, особенно въ послѣднихъ его сочиненіяхъ, чудесные пейзажи, мастерски переданные бумагѣ. Никто лучше его и съ такою очаровательною вѣрностію не описывалъ картинъ сельской жизни, скромныхъ радостей бѣдняка и его безропотныхъ трудовъ; никто не представлялъ съ такимъ безконечнымъ разнообразіемъ всѣхъ самыхъ мелкихъ подробностей, раждающихъ въ человѣкѣ грустныя или радостныя впечатлѣнія, изъ которыхъ выткана человѣческая жизнь.

Напрасно думаютъ, будто талантъ Диккенса ограничивается изображеніемъ только низшихъ классовъ народа. Безъ сомнѣнія, онъ хорошо знаетъ этотъ классъ и лучше всякаго умѣетъ выставить его на сцену; правда и то, что онъ рѣдко заимствуетъ сюжеты изъ хроникъ большаго свѣта, и ни одна изъ его повѣстей не можетъ стать на ряду съ такъ называемыми фешенебельными романами; однакожъ, у него встрѣчаются лица изъ высшихъ слоевъ общества и эти лица очерчены живо, опредѣленно, вѣрно. Мотъ и шеголь очень естественно изображены въ *лордѣ Фредерикѣ-Веризофти* и *сэрѣ Мельберри-Гаукѣ*. Усилія молодого, воспитаннаго, но бѣднаго человѣка, составить свое счастье честными трудами, чудесно разсказаны въ *Николѣ Никльби*. *Роза Манли* — одинъ изъ прекрасныхъ женскихъ типовъ, исполненныхъ нѣжности, самоотверженія и чистоты. А гдѣ найдете такое очаровательное твореніе, какъ *Оливеръ-Твистъ*? Быть-можетъ, скажутъ, что трудно найти оригиналъ этого портрета въ дѣйствительной жизни. Но неужели нельзя предполагать, что въ несчастномъ плодѣ преступной любви, въ дитяти высокаго происхожденія, могли развиться высокія чувства, какъ-будто перелившіяся вмѣстѣ съ кровью, такъ-что бѣдность, преслѣдованія, всѣ роды несчастій и соблазны порока не могли заглушить въ немъ благородства? Но, и въ самомъ дѣлѣ, развѣ нѣтъ примѣровъ подобной твердости? развѣ, въ начальномъ жи-

лицъ бѣдности и несчастія не случается встрѣчать ангельское личико ребенка, который безъ жалобъ сноситъ тиранию своихъ развратныхъ родителей и ужасныя сѣдствія ихъ преступленій, и навсегда остается чистымъ, незапятнаннымъ никакимъ порокомъ? Безъ сомнѣнія, это случается, и зрѣлище подобнаго рода вѣроятно, служило основою прекрасному роману Диккенса.

Чтобы вполне понять отрывки, которые мы хотимъ предложить нашимъ читателямъ, довольно знать, что Оливеръ-Твистъ — незаконнорожденное дитя. Проведши свою юность въ одной изъ тѣхъ рабочихъ, которыя такъ походятъ на тюрьмы, онъ вдругъ скрылся отъ своего хозяина. Подобно Жилблазу, Твистъ попадаетъ въ руки разбойниковъ, которые насильно дѣлаютъ его своимъ сообщникомъ. Одинъ старикъ хотѣлъ было извлечь его изъ этой бездны, но мошенникъ-жидъ, изъ опасенія, чтобы Оливеръ не открылъ тайны ихъ притона, снова захватываетъ несчастнаго юношу, который снова спасается бѣгствомъ во время тревоги ночной экспедиции. Далѣе, въ романѣ раскрывается ожесточеніе Монкса, роднаго брата Оливера. Монксъ преслѣдуетъ несчастнаго брата, желая отнять у него кольцо и портретъ, которые могли утвердить за нимъ права его происхожденія. Наконецъ истина открыта: Оливеръ-Твистъ — близкій родственникъ старика, который хотѣлъ нѣкогда спасти его отъ бѣдственной участи. Старикъ беретъ его къ себѣ и назначаетъ своимъ наследникомъ.

Эта исторія очень не нова сама-по-себѣ, и подлѣ перомъ болѣе обыкновеннымъ не получила бы никакого интереса, но Диккенсъ поддерживаетъ вниманіе читателя преимущественно прекрасными эпизодами, которые онъ умѣетъ употребить всегда кстати и отдѣлать съ величайшимъ искусствомъ.

Подлѣ жиды, гнуснаго злодѣя, висьельника, романистъ помѣстилъ другаго разбойника, не столько искуснаго, но болѣе рѣшительнаго, который былъ правою рукою человѣка, соединявшаго въ себѣ всѣ преступленія. Это второе лицо называется Сайксъ. Ужасные свои пороки онъ искупаетъ качествами совершенно относительными: слѣбною вѣрностію къ товарищамъ шайки и какою-то безмысленною, но глубокою страстію къ несчастной дѣвушкѣ, по имени Нанси. Характеръ этой женщины, несомнѣнно, одинъ изъ лучшихъ, какіе создавалъ Диккенсъ. Онъ очень искусно умѣлъ прикрыть ея безче-

стіе и показать въ ней только непостоянное твореніе, которое одинаково, по однимъ необъяснимымъ капризамъ, влечется и къ добру и ко злу. Въ припадкѣ добрыхъ чувствъ, Нанси помогла старому джентльмену отыскать Оливера, следовательно, измѣнила тайнамъ шайки, къ которой принадлежалъ Сайксъ. Жидъ построилъ Сайкса противъ его любовницы, наговорилъ ему, сколько она сдѣлала вреда этимъ открытіемъ ихъ благородному обществу, и Сайксъ, всегда вѣрный самъ себѣ, опротивѣлъ бросается по пустыннымъ улицамъ.

«Не думая ни о чемъ, не оглядываясь по сторонамъ, неподвижно устремивъ свои глаза впередъ, съ какою-то дикою рѣшимостію и звѣрски стиснувъ зубы, такъ-что кожа на щекахъ, казалось, готова была лопнуть, — разбойникъ проходилъ по улицамъ; ни одно слово не сорвалось съ его языка, ни одинъ мускулъ не измѣнился въ его лицѣ, пока онъ не подошелъ къ воротамъ своей любовницы. Тихо отворилъ онъ ихъ, легонько прокрался по лѣстницѣ, проскользнулъ въ комнату, защелкнулъ за собою двойной запоръ, придвинулъ къ двери тяжелый столъ и нагло отдернулъ занавѣсъ постели.

«Тутъ лежала полуодѣтая молодая дѣвушка. Безъ сомнѣнія, она не спала еще, потому-что тотчасъ вскочила, устремивъ на гостя испуганные глаза.

«Вставай! сказалъ разбойникъ.

«— Ахъ, это вы, Билль, вскричала дѣвушка, стараясь придать своему голосу выраженіе удовольствія.

«— Да, я, отвѣчалъ онъ; вставай!

«У постели горѣла сальная свѣча; разбойникъ схватилъ ее и потушилъ. Замѣтивъ первые лучи занимающейся зари, молодая дѣвушка хотѣла открыть занавѣски.

«— Не тронь! сказалъ Сайксъ, схвативъ ее за руку; что я хочу сдѣлать, для того не надо свѣту.

«— Билль! съ ужасомъ пролепетала молодая дѣвушка: для чего ты такъ смотришь на меня?

«Разбойникъ сѣлъ прямо противъ нея и нѣсколько секундъ не спускалъ съ нея глазъ; ноздри его раздувались, грудь волновалась и трепетала; потомъ онъ, схвативъ ее за голову, вытащилъ на средину комнаты и зажалъ ей ротъ рукою.

«— Билль! Билль! простонала Нанси въ смертельномъ испугѣ... я... не буду кричать... не вскрикну ни разу... Послушай меня!... поговори со мною!... Скажи, что я сдѣлала?...

«— Знай же, чортово отродье, прервалъ разбойникъ, схвативъ ее за горло: тебя подкараулили въ этотъ вечеръ... все слышали.

«— Ради Бога, не убивай меня... пощади мою жизнь, какъ я пощадила твою, вскричала молодая дѣвушка, съ жаромъ обхвативши своего палача: Билль, милый Билль, у тебя не достанетъ духу убить меня... Подумай, что я сдѣлала тебѣ, въ тотъ вечеръ... Обдумай хорошенько, и ты удержишься отъ преступленія... Я не оставлю тебя!... Ты не бросай меня!... Билль! Билль! ради Бога, ради любви своей, ради моей любви, остановись, не проливай мою кровь... Я всегда была тебѣ вѣрна... клянусь тебѣ моею несчастною душою...

«Разбойникъ старался вырвать у нея свои руки; но молодая дѣвушка судорожно обхватила ихъ.

«— Билль! вскрикнула она, стараясь приложить свою голову къ безчувственному его сердцу: старый джентльменъ обѣщалъ мнѣ въ этотъ вечеръ убѣжище въ какой-нибудь чужой сторонѣ... гдѣ я спокойно, въ уединеніи, могу окончить свою жизнь... Позволь мнѣ еще сходить и спросить у него и для тебя такого же благодѣянія... мы заживемъ счастливѣе... мы разлучимся... забудемъ все... никогда не увидимся больше... Раскаеніе никогда не поздно... онъ говорилъ мнѣ... я ему вѣрю... но надо время... а времени такъ мало, мало...

«Разбойникъ освободилъ наконецъ одну руку и выхватилъ пистолеть; но, при всемъ бышенствѣ, онъ не забылъ, что его сейчасъ же схватятъ, если услышать выстрѣлъ; изъ всей силы онъ ударилъ два раза по лицу дѣвушки, которое было обращено къ нему и почти касалось его.

«Дѣвушка зашаталась и упала, ослѣпленная ручьями крови, которая струилась по ея израженному лицу. Но скоро, съ усиленіемъ, она стала на колѣни, достала изъ-за пазухи бѣлый платокъ, — подарокъ невинной Розы Манли, — поднявши руки къ небу, сколько позволяли истощенныя силы, произнесла благодарственную молитву къ Создателю.

«Это была ужасная картина. Убийца сначала отскочилъ къ стѣнѣ; потомъ снова подошелъ къ своей жертвѣ, закрылъ одной рукою свои глаза, а другою, въ которой держалъ случайно попавшуюся ему палку, изо всей силы нанесъ ей послѣдній ударъ, которымъ повалилъ несчастную на землю.»

Послѣ такой сцены, кажется, ничего не надо больше прибавлять къ ужасамъ повѣсти. Авторъ продолжаетъ:

«Изъ всѣхъ преступленій, какія прикрывала та ночь своею тѣнью, это, безъ сомнѣнія, было самое гнусное; изъ всѣхъ злодѣяній, которыхъ отвратительный запахъ поднимался съ утреннимъ воздухомъ, это, вѣрно, было самое жестокое, самое мерзкое.

«Солнце взошло надъ многолюднымъ городомъ и бросило свои блестящіе лучи въ ту комнату, гдѣ лежала убитая женщина: напрасно убійца хотѣлъ закрыть отъ него всѣ проходы; сцена, окружавшая его, при свѣтѣ дня пришла еще болѣе отвратительной, ужасной видѣ.

«Сайксъ не трогался съ мѣста. Какой-то суевѣрный страхъ приковалъ его. Время отъ времени, замѣчая то слабый вздохъ, то легкое движеніе руки убитой дѣвушки, онъ съ новымъ бышенствомъ, которое удволяло страхъ, поражалъ трупъ, лежавшій у ногъ его. Наконецъ онъ набросилъ на него шерстяное одѣяло; но ему тяжело становилось при мысли объ этихъ открытыхъ, обращенныхъ на него глазахъ; для него сносить было видѣть ихъ, обрызганные кровью, и онъ отбросилъ одѣяло и звѣрски всматривался въ окровавленный трупъ.

«Убийца снова засвѣтилъ свѣчу, зажегъ палку и бросилъ ее въ печку. Въ одномъ ея углу лежалъ комокъ волосъ; они вспыхнули, и легкій пепелъ, увлеченный потокомъ воздуха, исчезъ въ трубѣ. Этого довольно было, чтобы устрашить его; онъ схватилъ палку, какъ бы боясь, чтобы и она не улетѣла такъ же, и держалъ ее на огнѣ до-тѣхъ-поръ, пока вся она не превратилась въ угли, которые онъ разбивалъ методически, одинъ за другимъ, въ мелкіе куски. Потомъ онъ обмылся, вычистилъ платье; а если попадались на немъ пятна подозрительнаго цвѣта, онъ вырывалъ лоскуты и жегъ ихъ. Сколько такихъ пятенъ покрывали комнату! а лапы его собаки были всѣ испачканы кровью.

«Во все это время онъ ни разу, ни одного разу не взглянулъ на трупъ. Окончивши свой туалетъ, онъ вышелъ изъ комнаты и вытащилъ за собою собаку, опасаясь оставить ее, чтобы она не разбудила своимъ лаемъ сосѣдей; потомъ тихо заперъ дверь на два оборота, взялъ ключъ и вышелъ изъ дому.

«Онъ перешелъ на другую сторону улицы, взглянулъ на окно, чтобы увѣриться, что съ улицы ничто

нельзя замѣтить. Занавѣска была задернута, та самая занавѣска, которую Нанси хотѣла открыть, чтобы встрѣтить раждающійся день, но ей не удалось уже видѣть его. Тѣло лежало внизу, — онъ зналъ это хорошо.

«Довольно было одного взгляда, онъ вздохнулъ свободно, свиснулъ своей собакой и пошелъ быстрыми шагами.»

Мы не можемъ слѣдовать за этимъ несчастнымъ, шатающимся пѣшкомъ по окрестностямъ Лондона; каждый день онъ перемѣнялъ свое убѣжище, чтобы скрыться отъ поисковъ полиціи. Но нравственные его муки изображены такъ живо, что нельзя умолчать объ нихъ.

«Наслушавшись разговоровъ путешественниковъ о смертоубійствѣ и вспоминая о всѣхъ ужасныхъ обстоятельствахъ этого происшествія, Сайксъ вышелъ изъ почтовой конторы безъ явного смущенія; онъ безпокоился только о томъ, куда направить свой путь. Наконецъ рѣшился избрать дорогу, которая ведетъ изъ Гатфильда въ Сентъ-Альбанъ.

«Онъ шелъ быстро; но едва оставилъ за собою городъ и сталъ погружаться въ темноту, ему становилось все страшнѣе и страшнѣе; ужасная тоска леденила его кровь; каждый попадавшійся ему предметъ, тѣнь, либо какое-нибудь существо живое или бездушное, заставляли его дрожать. Но всѣ эти ужасы были ничто въ сравненіи съ тѣмъ, когда въ его воображеніи явилась блѣдная фигура убитой, окровавленной Нанси, которая, казалось ему, упорно слѣдовала за его пятнами. Передъ нимъ рисовались всѣ черты ея лица; онъ слышалъ за собою легкій шумъ ея торжественной и таинственной походки, шорохъ ея платья, зашлепывающагося за кустарники, и каждое дуновение вѣтерка доносило до него послѣдній ея крикъ; когда онъ останавливался, останавливалось и привидѣніе; когда онъ бѣжалъ, онъ чувствовалъ, какъ преслѣдуетъ его призракъ; ему казалось, что этотъ призракъ неся за нимъ по вѣтру, и леденящее дыханіе Нанси долетало до его затылка.

«Наконецъ онъ обернулся, рѣшившись сразиться лицомъ къ лицу съ своимъ ожесточеннымъ врагомъ; но у него волосы встали дыбомъ и кровь застыла въ жилахъ... призракъ, такъ же, какъ и онъ, обернулся и очутился позади бѣглеца... и всегда позади. Въ минуту безчувственного отчаянія, онъ прислонился своею спиною къ холму, какъ-будто хотѣлъ раздавить существо, которое такъ упорно преслѣдовало его. Тогда

привидѣніе взвилось на воздухъ, какъ паръ, съ страшною улыбкою склонило свое лицо надъ головою Сайкса, и онъ думалъ, что вотъ, вотъ длинные волосы молодой дѣвушки упадутъ на его глаза. Онъ на-взничъ легъ на дорогу; призракъ всталъ за его головою, прямо и безмолвно, какъ могильный камень, готовый упасть на него.

«Не говорите мнѣ послѣ этого, что убійцы избѣгаютъ божественной кары. Каждая минута такого почти смертельнаго страха равна двадцати наказаніямъ, къ какимъ присуждаютъ преступниковъ человѣческіе законы.»

Далѣе мы находимъ убійцу въ новомъ безпокойствѣ: онъ опасается даже безмолвнаго свидѣтеля своего преступленія. Сцена, гдѣ онъ хотѣлъ отдѣлаться отъ своей собаки — цѣлая картина.

«Сайксъ вздумалъ возвратиться въ Лондонъ, гдѣ, по его мнѣнію, лучше можно было укрываться.

«Но собака... быть-можетъ, она замѣтила ея отсутствіе и не забыла еще происшествія, котораго была невольнымъ свидѣтелемъ. Въ улицахъ, по которымъ Сайксъ намѣревался пробраться, этотъ товарищъ могъ измѣнить ему. Онъ рѣшился утопить его; и искалъ пруда, въ которомъ хотѣлъ привести въ исполненіе свой планъ, собиралъ камни и завязывалъ ихъ въ платокъ.

«Во время этихъ приготовленій, собака смотрѣла на Сайкса, и по инстинкту ли, или по взорамъ, которые слѣдились мрачнѣе обыкновеннаго, блѣдное животное не подходило слишкомъ близко къ своему господину и слѣдовало за нимъ самыми лѣнивыми шагами. Когда Сайксъ остановился на берегу пруда и сталъ ее кликать, — она ни съ мѣста.

«— Ты не слушаться! Сюда! крикнулъ Сайксъ.

«Непреодолимая сила привычки заставила ее придвинуться; но лишь Сайксъ наклонился, чтобы навязать ей на шею платокъ, она испустила какой-то стонъ и отдернула свою голову.

«— Сюда! закричалъ воръ, тоннувъ погую.

«Собака вертѣла хвостомъ, но не двигалась. Сайксъ затянулъ удавчую петлю, и снова началъ кликать собаку. Она сдѣлала шагъ впередъ, потомъ шагъ назадъ и остановилась.... наконецъ повернулась и пустилась прочь со всѣхъ ногъ.

«Убійца свиснулъ и нѣсколько разъ принимался кликать бѣглеца, потомъ сѣлъ, думая, что собака

воротится... но не тутъ-то было, собака не являлась, и онъ отправился одинъ.»

Всѣ лица этого романа, которымъ удалось попасть въ руки правосудія, окончили свою жизнь самымъ трагическимъ образомъ. Сайксъ, измученный продолжительною тоскою, наконецъ повѣсился въ ту самую минуту, когда еще разъ успѣлъ-было ускользнуть отъ рукъ полицейскихъ офицеровъ. Мошенникъ-жидъ подвергся уголовной казни, и мы выписали бы все засѣданіе, въ которомъ произнесенъ былъ ему приговоръ, еслибы не хотѣли показать литературной физиономіи Диккенса съ другихъ сторонъ.

Сюжетъ *Николая Никльби* также не имѣетъ ничего особеннаго отъ обыкновенныхъ правоописательныхъ романовъ, какъ и *Оливеръ Твистъ*. Но если эта драма двадцать разъ служила канвою для картинъ, списанныхъ съ жизни общества, то тѣмъ не менѣе вѣрно, что надо имѣть могущественное перо, чтобы умѣть, какъ бы волшебствомъ, обновить устарѣлую форму, позолотить снова ветхую раму, забытую въ пыли, на чердакѣ, и на старомъ полотнѣ начертить новыя фигуры, дышашія жизнью и вѣрностію.

Провинціальный джентльменъ, разорившійся на несчастныя спекуляціи, умираетъ, оставляя по себѣ вдову съ двумя дѣтьми. Эти малютки идутъ съ своею матерью въ Лондонъ просить помощи у брата покойнаго. Но вмѣсто того, чтобы найти въ немъ добраго родственника, они встрѣчаютъ безчувственнаго ростовщика, который только и думаетъ какъ бы поскорѣе отдѣлаться отъ нихъ. Особенно ему не понравился съ перваго разу племянникъ, за его гордый и чувствительный характеръ: и онъ постарался поскорѣе помѣстить его въ юрширскій пансіонъ; потомъ отправилъ къ модисткѣ и свою племянницу, гдѣ, какъ онъ надѣялся, панвная ея красота когда-нибудь послужитъ удочкой. Эти-то приключенія двухъ молодыхъ людей, Катерины и Николая Никльби, и безчестныя интриги ихъ стараго дяди Ральфа, родъ дуэли, которая завязывается между имъ и сэромъ Мелбери Гаукомъ изъ-за молодого и богатаго повѣсы Лорда Уерисофта, и наконецъ усилія Николая вырвать свою сестру изъ опасности — собственно и составляютъ романъ; но по этимъ общимъ чертамъ нельзя судить о романѣ. Интрига въ романѣ Диккенса—вещь посторонняя; вся важность въ подробностяхъ, и въ нихъ-то видно все превосходство писателя.

Внутренность Датбойскаго замка, гнусное управленіе этимъ пансіономъ господина Сквирса, его жены и дочери, надзору которыхъ поручены несчастные ученики; послушный характеръ блѣднаго Смайка, брошеннаго ребенка, изъ котораго жадный содержатель пансіона сдѣлалъ себя двороваго слугу, старанія Николая защищать его противъ ненавистнаго обхожденія съ нимъ Сквирсовъ; далѣе, модный магазинъ мистриссъ Манталани, потомъ жизнь провинціальныхъ комедіантовъ и участь странствующей труппы, въ которую вступили Николай съ своимъ другомъ Смайкомъ,—вотъ существенные элементы, самыя любопытныя картины этого магическаго фонаря.

Наконецъ, — и это рѣдкая заслуга, — *Николай Никльби* есть собраніе народныхъ типовъ. Напримеръ, Ньюменъ Поггсъ, джентльменъ, разоренный лдею Ральфомъ и терпѣливо оставшійся слугою безчестному ростовщику, — совершенно британскій типъ. Послушный, какъ заведенная машина, молчаливый, точный, безстрастный свидѣтель и молчаливый товарищъ всѣхъ подлостей своего патрона, впрочемъ, добрый и достойный человѣкъ; самъ онъ несчастенъ, но сожалѣетъ только о несчастіяхъ другаго; всею душою онъ преданъ молодому Никльби и его семейству; любитъ ихъ молчаливою любовію, точно такъ же, какъ безмолвно ненавидитъ Ральфа, общаго ихъ тирана.

Послушайте:

«— Глаза его (Ральфа), блуждая по двору, остановились на окнѣ другой конторы, и онъ увидѣлъ, что Поггсъ примѣчалъ за нимъ. Приказчикъ, котораго красный носъ касался почти стекла, притворился, будто чинить перо заржавѣлымъ обломкомъ ножика, а между тѣмъ разсматривалъ своего патрона съ видомъ живѣйшаго вниманія.

«Ральфъ принялъ обыкновенное свое положеніе. Фигура Ньюмена исчезла, а съ нею и мысли Ральфа.

«Черезъ нѣсколько минутъ Ральфъ позвонилъ. Вошелъ Ньюменъ. Ральфъ пристально посмотрѣлъ ему въ лицо, какъ бы боялся прочесть въ физиономіи прикащика разгадку своихъ собственныхъ думъ.

«Физиономія прикащика была совершенно безстрастна. Вообразите человѣка, который открытыми глазами ни на что не смотритъ и ничего не видитъ: по этому образцу можно составить понятіе объ Ньюменѣ, при взглядѣ на него Ральфа Никльби.

«— Что надо? пророчалъ Ральфъ.

«— А я думалъ, что вы звонили, сказалъ Ньюменъ, и глаза его засвѣтились разумнымъ довольствомъ и оставились на хозяинѣ.

«Послѣ такого лаконическаго замѣчанія Ньюменъ хотѣлъ выйти.

«— Пойди!

«Ньюменъ остановился безъ смущенія.

«— Я звонилъ.

«— Я зналъ это.

«— Для чего жъ ты хочешь идти, если знаешь?

«Я думалъ, что вы звонили для того, чтобы сказать мнѣ, что не звонили: это у васъ часто случается.

«— Какъ ты смѣлъ, бездѣльникъ, подсматривать и наблюдать за мной?

«— За вами подсматривать?... я?... что вы!

«Въ этомъ и состояло все объясненіе Ньюмена.

«— Послушай, прервалъ Ральфъ: видишь этотъ пакетъ?

«— Довольно-таки толстъ.

«— Отнеси его въ Бродъ-Стритъ и оставь тамъ... Скорѣе же, слышишь?

«Ньюменъ сдѣлалъ утвердительную гримасу, вышелъ на минуту, и снова явился съ своей шляпой. Послѣ многихъ бесполезныхъ усилій втиснуть пакетъ, величиною въ два квадратныхъ фута, въ свою шляпу, онъ взялъ его подъ мышку, но, чтобы не замарать, не иначе дотрогивался до него, какъ въ своихъ безпальныхъ перчаткахъ, и во все это время не спускалъ глазъ съ Ральфа Никльби. Потомъ онъ началъ поправлять на головѣ шляпу съ такимъ стараніемъ, притворнымъ или дѣйствительнымъ, какъ-будто она была сдѣлана изъ самаго лучшаго бобра, и наконецъ отправился исполнить порученіе

«Между-тѣмъ какъ ростовщикъ искалъ утѣшенія въ своихъ книгахъ и бумагахъ, въ его конторѣ происходила сцена, которая не мало удивила бы его, если бы онъ могъ замѣтить ее.

«Ньюменъ Ноггсъ былъ единственный актеръ въ этой сценѣ. Онъ стоялъ не далеко отъ двери, оборотившись къ ней лицомъ, и изо всей силы билъ по воздуху рукавами своего платья?

«Сначала такое занятіе могло бы показаться простою, очень благоразумною предосторожностью сидячаго человѣка, чтобы расширить свою грудь и усилить мускулы рукъ, но жаръ и радость, написанныя на вспо-

тѣвшемъ лицѣ Ньюмена Ноггса, удивительная энергія, съ какою онъ непрерывно махалъ, достаточно объяснили бы внимательному наблюдателю, что воображеніе прикащика колотило на-смерть деспота, господина Ральфа Никльби....»

Годичный ужинъ, данный у Кенвигсовъ, — одного мѣщанскаго семейства, — такая сцена, предъ которою смѣялась и должна смѣяться вся Англія. Правда, это карикатура, но она не много отступаетъ отъ истины.

Кенвигсъ — простой токарь, но въ своемъ домѣ онъ выдаетъ себя за важную особу, тѣмъ больше, что занимаетъ двѣ комнаты въ первомъ этажѣ, окнами на улицу. Мистриссъ Кенвигсъ — дама съ прекрасными пріемами, считаетъ себя отраслью знатной фамиліи, потому-что у нея дядя служилъ сборщикомъ податей при водяномъ управленіи. Двѣ ихъ старшія дочки ходятъ два раза въ недѣлю въ танцевальный классъ; рыжеватые волосы, переплетенные синими ленточками, двумя косами спускаются по спинѣ; маленькіе бѣлые панталончики, убранные по лизу фалборками, служатъ важнымъ предметомъ болтовни для сосѣднихъ кумушекъ.

На знаменитомъ годичномъ вечерѣ, объявленномъ еще за пятнадцать дней прежде, собираются друзья семейства, — какъ вы увидите, самое избранное общество.

«Тутъ были мистеръ и мистриссъ Кенвигсы и четверо маленькихъ Кенвигсовъ, которые также остались ужинать, потому-что неприлично, — чтобы не сказать неблагопрістойно, — посылать ихъ спать въ присутствіи гостей; за ними слѣдовала молодая женщина, которая шила платье для мистриссъ Кенвигсъ. Кавалеръ, молодой человѣкъ, котораго мистеръ Кенвигсъ знавалъ съ малолѣтства; онъ былъ въ особенномъ уваженіи у женщинъ, потому-что слылъ ужаснымъ развратникомъ, и прочая

«Послѣ сборщика, самымъ важнымъ львомъ этого общества была дочь театральнаго капельдипера; она занимала на театрѣ роль паптомимной фигурантки и славилась необыкновенными способностями.

«Одно обстоятельство разстроило нѣсколько удовольствіе собранія. Женщина изъ перваго этажа, чрезвычайно жирная и подвигавшаяся уже къ шестидесятому году, одѣта была въ блестящее кисейное платье и въ лайковыя перчатки; это до того взбѣсило мистриссъ

Кенвигсъ, что она хотѣла просить эту даму выйти вонъ.

«Послышался звонъ колокольчика.

«— Это онъ, пробормоталъ Кенвигсъ, въ сильномъ смущеніи: Морлина! ступай впередъ къ своему дядѣ, обними его, когда онъ отворитъ дверь. Ну же, станемъ говорить.

«Вся компанія приняла совѣтъ мистера Кенвигса; всѣ громко начали разговаривать, чтобы не показать своего смущенія. Въ ту же минуту вошелъ въ комнату старый джентльменъ, низенькой и толстый, въ коричневыхъ штанахъ съ черными штблетами, подъ-руку съ миссъ Морлиной Кенвигсъ.

«— Ахъ, дяденька, какъ я восхищена, что вижу васъ! вскричала мистриссъ Кенвигсъ, нѣжно цѣлуя сборщика податей въ обѣ щеки.

«Трогательно было видѣть, какъ сборщикъ, отложивши всѣ свои страшныя принадлежности: книгу, перо, чернильницу, таксы, объявленія и повѣстки, сжималъ въ своихъ объятіяхъ женщину довольно пріятной наружности. Все общество смотрѣло на него съ восторгомъ.

«Подали двухъ дыпленковъ подъ соусомъ, толстый кусокъ свинины, пирогъ съ яблоками, картофель и капусту. При взглядѣ на эти блюда, дядя мистриссъ Кенвигсъ распутился

«Когда все было съѣдено, мистеръ Килливикъ (сборщикъ) погрузился въ широкое кресло, а четверо маленькихъ Кенвигсовъ помѣстились на маленькой скамйкѣ, передъ обществомъ, которому онъ выказывали свои длинныя рыжеватыя косы. Тогда мистриссъ Кенвигсъ, отъ полноты материнскихъ чувствъ, припала на плечо своего супруга и зарыдала.

«— Какъ они прекрасны! вскричала она, рыдая.

«— Боже мой! сказали всѣ дамы разомъ, истинно есть чѣмъ гордиться; но полноте, перестаньте.

«— Чѣтъ, это невозможно, прервала мистриссъ Кенвигсъ; я хорошо знаю, сама я виновата. Ахъ, они очень хороши, слишкомъ хороши, чтобы жить на этомъ свѣтѣ!

«Такое печальное предчувствіе, осуждавшее четырехъ маленькихъ дѣвочекъ на преждевременную смерть, заставило ихъ вскрикнуть отъ ужаса; всѣ вмѣстѣ бро-

сились онѣ головками на грудь своей матери, и всемо ихъ косъ трепетали на ихъ плечахъ.»

По порядку сочиненій Диккенса за *Николаемъ Никльби* слѣдуетъ *Master Humphrey's Clock*. Это книга не книга, по-крайней-мѣрѣ не романъ, а собраніе разнородныхъ повѣстей, безъ всякой связи и единства; одна воля автора связала ихъ и соединила въ одну книгу.

Въ первой главѣ описывается комната и часы. Мало-по-малу въ этой комнатѣ собирается три или четыре человѣка довольно подозрительныхъ; нѣкоторые изъ нихъ принадлежатъ къ Пиквикскому-клубу. Эти лица — всегдашніе гости мистера Гомфрея, лондонскаго мѣшанина. Каждый вечеръ они собираются для того только, чтобы рассказывать одинъ другому разныя исторіи. Историческія и фантастическія повѣсти перемежаются въ этихъ разказахъ. По такой планѣ, или, лучше, отсутствіе плана, сбиваетъ съ толку самого романиста; онъ бросается въ письма. Но и переписка скоро наскучиваетъ; онъ наигрываетъ новую прелюдію, вызывая любимый образъ Пиквика, отдаленнаго потомка сэра Роджера Коверлея. Пиквикъ, какъ и другіе, также рассказываетъ здѣсь, не очень вѣстаті, хронику времени Якова I. Послѣ всѣхъ этихъ приготовленій и отступленій, авторъ вдругъ какъ бы пробуждается, попадаетъ на свою дорогу, по-крайней-мѣрѣ продолжаетъ повѣсть на свой манеръ, потому-что его перо носится туда и сюда, какъ капризный дагерротипъ, который, рисуя все, что жизнь представляетъ любопытнаго, не много занимается расположеніемъ своихъ картинъ.

Впрочемъ, исторія, которую хочетъ рассказать Диккенсъ, самая простая. Въ одномъ магазинѣ рѣдкостей живетъ старикъ, нѣкогда бывший богачемъ, съ своею внучкою, которую онъ обожаетъ. Каждую ночь этотъ старикъ тихонько уходитъ со двора оставляя внучку подъ надзоромъ сторожа. Куда онъ ходитъ? Неизвѣстно; не знаютъ также, что черезъ его руки переходятъ довольно значительныя суммы, которыя онъ занимаетъ то у тѣхъ, то у другихъ. Одно только успокоиваетъ его должниковъ, что время отъ времени радостная надежда блистаетъ въ глазахъ стараго купца. Съ какою-то таинственностію онъ всегда говоритъ о барышахъ и объ осуществленіи своихъ надеждъ. Его внучка, его Нелли, будетъ тогда богата, и всѣми удовольствіями роскоши онъ можетъ заставить ее забыть

дни печали, которая она переживала съ такимъ самоотверженіемъ.

Но прежде чѣмъ осуществляются его мечты, кредиторы терпятъ къ нему довѣріе. Одинъ изъ нихъ рѣшается уже лишиться своего должника собственности. Мало этого: благородная красота Нелли обворожила его, и онъ вздумалъ похитить ея невинное сердце. Молодая дѣвушка не могла ни въ комъ искать себѣ покровителя, кромѣ своего брата, а братъ ея, промотавшійся въ пухъ, впалъ въ долги и хотѣлъ поправить свое состояніе на-счетъ сестры: онъ хочетъ выдать ее за одного изъ своихъ товарищей, какого-то Свигеллера, отчаяннаго мота. Что дѣлать Нелли, въ такихъ крайностяхъ? Есть у нея одинъ другъ въ мѣрѣ, бѣдный мальчикъ, бывший прикащикомъ, или, лучше, слугою у стараго купца. Когда кредиторъ Квилль отнялъ у старика домъ, и старикъ впалъ въ какое-то безсмысліе и не могъ болѣе быть покровителемъ своей внучки, Кристоффъ приходитъ, открываетъ Нелли всѣ опасности, какія грозятъ ей, и предлагаетъ убѣжище въ бѣдной хижинѣ своей матери. Но благородный юноша слишкомъ бѣденъ. Не сказавшись никому, Нелли выходитъ изъ дому, ведетъ за собою своего дѣдушку, который машинально слѣдуетъ за нею.

Путешествіе этихъ двухъ существъ, всѣми оставленныхъ, несчастныхъ, подверженныхъ, по своей слабости и по таинственности, которая окружаетъ ихъ, всѣмъ опасностямъ и подозрѣніямъ, подвергаетъ ихъ многимъ тягостнымъ испытаніямъ; они находятъ пристанище то въ гостепріимной фермѣ, то у странствующихъ фигляровъ, то въ молчаливой деревнѣ или въ шумномъ городкѣ и, подобно Жиль-Блазу, они подвергаются всѣмъ случайностямъ жизни. Есть что-то особенно патетическое, особенно счастливое въ этомъ соединеніи двухъ беззащитныхъ существъ, помогающихъ другъ другу: бессмысленный старикъ, — плохая защита своего дитяти; молодая дѣвушка, — мужественная, но слабая покровительница своего дѣда.

Между прочими приключеніями ихъ путешествія, особенно замѣчательна трогательная исторія школьнаго учителя, который лишился своего любимаго ученика. Такія главы достойны Стерна или Мекензи.

«Когда Нелли съ своимъ дѣдушкой, утомленные долгою дорогою, съ робостію отворили калитку садика, учитель вздрогнулъ и поднялъ голову. Сильная непріятность изобразилась въ его чертахъ, когда онъ уви-

дѣлъ, какихъ гостей послало ему Провидѣніе. Онъ ждалъ не ихъ, не ими заняты были его мысли; впрочемъ, увидѣвъ, какъ бѣдны и утомлены были его новые гости, онъ позволилъ имъ остаться до утра подъ своею кровлею.

«Сидя на одной изъ классныхъ скамеекъ, Нелли съ любопытствомъ осматривала такую невиданную комнату, испачканные и изрѣзанные столы, черную кафедру учителя и нѣсколько, оставленныхъ учениками, измаранныхъ книгъ. Тутъ же лежали волчки, мячики и полусушѣнные яблоки, длинный пруть и плетка. Эти невинныя средства унимать шалуновъ, были выставлены во всемъ своемъ ужасѣ передъ глазами нарушителей школьной дисциплины. Далѣе красовался ослиный колпакъ, сдѣланный изъ старыхъ газетъ, и убранный, мѣстами, множествомъ облачковъ и разноцвѣтными картами.

«Самое богатое украшеніе стѣнъ состояло изъ нѣсколькихъ нравственныхъ мыслей, написанныхъ прекраснымъ закругленнымъ почеркомъ, и изъ нѣсколькихъ арифметическихъ таблицъ, которыхъ цифры выведены съ большимъ стараніемъ тою же искусною рукой. Комната со всѣхъ сторонъ была оклеена подобными украшениями, и первоначальное ихъ назначеніе, вѣроятно, было показать изящество обученія этой школы, а послѣ возродить похвальное соревнованіе въ сердцахъ молодыхъ воспитанниковъ.

«— Не правда ли, сказалъ школьный учитель, видя, съ какимъ вниманіемъ Нелли разсматривала эти образцы, — не правда ли, мое милое дитя, что это прекрасное письмо?»

«— Очень прекрасное, скромно отвѣчала Нелли. Это ваше?»

«— Да, мое, сказалъ учитель, взявъ очки, чтобы лучше насладиться этими триумфами, столь милыми его сердцу; но теперь мнѣ уже не написать такъ. Нѣтъ, дитя мое, это написала одна ручка, маленькая, ручка, такая же молоденькая, какъ твоя; но она была способна и тверда.

«Прознося эти слова, онъ замѣтилъ на уголкѣ одной прописи чернильное пятно; взявъ свой перочинный ножичекъ и подвинулся къ стѣнѣ, чтобы бережно выскоблить его. Но онъ не могъ хладнокровно окопчить своего занятія, нѣсколько разъ то опять отодвигался тихо назадъ, то подходилъ ближе, любуясь правильнымъ и ровнымъ письмомъ, какъ обыкновенно лю-

буются прекрасною картиной. Въ его голосѣ, въ его жестакъ выражалась печаль, причины которой не могла угадать Нелли; она была тронута ею, хотя сама не знала, почему.

«— Да, снова началъ школьный учитель: все это произвела маленькая ручка. Онъ стоялъ выше всѣхъ своихъ товарищей и по ученю и въ играхъ; и какъ онъ любилъ меня! Я, съ своей стороны, питалъ къ нему обыкновенную любовь; за что же онъ такъ любилъ меня?... Здѣсь учитель остановился, снялъ свои очки и началъ протирать, какъ-будто какой туманъ затускнилъ стекла.

«— Я думаю, сказала съ безпокойствомъ Нелли, съ нимъ ничего не сдѣлалось дурнаго.

«— Все пройдетъ, моя милая малютка, отвѣчалъ учитель. Сегодня, въ полдень, я надѣялся видѣть его на лугу впереди всѣхъ, какъ это всегда бывало, но, вѣрно до-завтра уже не увижу его.

«— Такъ онъ нездоровъ? спросила дѣвушка съ участіемъ, свойственнымъ ея возрасту.

«— Немножко. Говорятъ, вчера и третьяго-дня онъ головы поднять не могъ, милое дитя; но это отъ болѣзни; это не дурной знакъ.... не дурной, по-крайней мѣрѣ такъ говорятъ.

«Нелли замолчала. Учитель подошелъ къ двери и съ задумчивымъ видомъ посмотрѣлъ на дворъ. Наступила ночь. Все было тихо.

«— Если бы кто могъ привести его сюда, онъ, вѣрно, пришелъ бы повидаться со мной, сказалъ бѣдный учитель, возвращаясь въ классъ; никогда не бывало, чтобы онъ не пришелъ въ садъ пожелать мнѣ спокойной ночи. Или, быть-можетъ, болѣзни-то его только подвѣчеръ пріутихла, и слишкомъ поздно уже теперь ему идти; вечеръ же сырой; притомъ опасно и ходить по росѣ. Да, когда такъ, то лучше ему дома остаться.

«Говоря это онъ зажегъ свѣчу, закрылъ ставни и заперъ дверь. Окончивъ эту работу, онъ сѣлъ молча; потомъ вдругъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ размышленія, схватилъ свою шляпу. Если бы Нелли не побоялась остаться одна, говорилъ онъ: я пошелъ бы провѣдать, что тамъ случилось. Нелли согласилась на это великодушно.

«Цѣлыхъ полчаса Нелли не трогалась съ мѣста; совершенное одиночество и почти въ неизвѣстномъ ей мѣстѣ тяготило ее. Дѣдъ ея спалъ въ сосѣдней комнатѣ и никакой шумъ не долеталъ до его слуха; толь-

ко однообразный стукъ маятника и шелестъ вѣтра между деревьями нарушали ночную тишину.

«Наконецъ учитель возвратился и сѣлъ въ углу возлѣ печки, не промолвивъ ни слова. Чрезъ нѣсколько времени, онъ поднявъ на Нелли глаза и самымъ нѣжнымъ тономъ выразилъ свою надежду, что, вѣрно, она не откажется, прежде сна, помолиться о больномъ дитяти.

«— Это мой любимый ученикъ, печально продолжалъ добрый старикъ, машинально потягивая изъ своей погасшей трубки и посматривая на стѣны: все это произвела его маленькая ручка, а теперь болѣзни сушить ее. Она мала, очень мала эта ручка!

«На-завтра былъ прекрасный день; солнце бросало свои блестящіе лучи на покрытую росою долину. Нелли, замѣтивъ, что въ домѣ учителя не было никакой женщины, сама, безъ просьбы, занялась хозяйствомъ. Тронутый такою признательностью, учитель уговорилъ ее еще остаться у него на нѣсколько часовъ. Мало-по-малу школьныя скамѣйки унизывались блокурами, беззаботными головками; одно мѣсто, на почетной скамѣе, оставалось незапаятымъ. Мальчики, посматривая то на это мѣсто, то на на своего учителя, тихонько перешептывались между собою.

«Напрасно, при монотонномъ шумѣ повторяемыхъ уроковъ, непозволенной болтовни и скрытныхъ шалостей мальчиковъ, школьный учитель хотѣлъ подумать о своихъ обязанностяхъ и забыть своего маленькаго друга; никогда онъ не былъ такъ невнимателенъ, такъ неисполненъ въ своей должности, и шаловливое племя, окружавшее его, никогда не пользовалось такою безнаказанною свободою.

«Впрочемъ, и самая погода не располагала къ ученію: въ открытыя двери и окна, вмѣстѣ съ запахомъ деревъ и съ теплыми лучами весенняго солнца, проникала тысяча непреодолимыхъ искушеній. Не было ни одного малютки, который бы не позавидовалъ прелестной пчелѣ, послѣщейся на волѣ по разцвѣтшимъ лугамъ: всякой мечталъ о какомъ-нибудь ручейкѣ, гдѣ, подъ зелеными ивами, склонившимися свои вершины надъ водою, ожидала его роскошная ванна. По временамъ, какой-нибудь шалуна находилъ средство ускользнуть на нѣсколько минутъ, и всѣ его товарищи слѣдили за нимъ завистливыми глазами; весело подбѣгалъ онъ къ фонтану, купалъ въ его водахъ свою блокурую головку, и потомъ, какъ рѣзвая собачка, отряхался на пуховой муравѣ.

«Учитель, кажется, понял, что ни онъ, ни его ученики не были расположены въ этотъ день исполнять свои уроки; и наконецъ, послѣ ужасныхъ усилій отогнать отъ себя свою печальную мысль и остановить излишнюю веселость учениковъ, онъ самъ открылъ двери ихъ тюрьмы, съ условіемъ однако жъ, чтобы они не шумѣли вблизи домовъ.

«—Я увѣренъ, прибавилъ онъ, что никто изъ васъ не захочетъ шумѣть около дома, гдѣ страдаетъ вашъ любимый товарищъ.

«Всѣ они жужжали что-то, и почти всѣ дали слово остеречься отъ такого поступка. Въ самомъ дѣлѣ, они вышли молча. Но вотъ поютъ птички, какъ онѣ поютъ при закатѣ дня; деревья съ суконатыми стволами, съ роскошною зеленью, манятъ къ себѣ. Стоги сѣна какъ будто собираются разсыпаться по лугу; въ зеленой ржи скрываются отъ взоровъ шалуновъ птички гнѣдышки,—и всѣ наставленія тотчасъ забыты; при первомъ поворотѣ дороги начались хохотъ и крики.

«—Счастливымъ возрасть, клянусь небомъ! вскричалъ бѣдный учитель, смотря на удаляющихся воспитанниковъ: имъ нельзя не забыть меня!

«Съ кротостію и смиреніемъ защищалъ онъ своихъ учениковъ противу жестокихъ нападокъ всѣхъ кумушекъ, которыя считали себя въ правѣ обращаться къ нему. Вечеромъ, когда онъ располагался отправиться съ Нелли на прогулку по окрестностямъ, вдругъ вбѣгаетъ въ садъ какая-то старуха; отъ скорой ходьбы она едва можетъ перевести духъ. Школьнаго учителя ожидали у матери больного ребенка, и, по словамъ старухи, надо было спѣшить. Не выпуская руки Нелли, которую держалъ въ своей, отправляется онъ туда быстрыми шагами, представивъ на волю старой посланницѣ слѣдовать за ними, какъ позволяли ей дѣла.

«Они остановились у воротъ бѣдной хижины, и школьный учитель тихонько постучался. Въ комнатѣ, куда они вошли, было нѣсколько женщинъ; всѣ онѣ столпились около одной дряхлой старухи, которая горько рыдала, ломала свои руки и не могла спокойно сидѣть на скамйкѣ.

«—Что, сударыня, проговорилъ учитель, подвигаясь къ ней: вѣрно, плохо?

«—Онъ умираетъ, вскричала старуха, улетаетъ мой милый внучекъ! И все это ваша вина. Я бы никогда не позволила вамъ видѣть его, если бы онъ самъ не

захотѣлъ. Ваши книги довели его до этого. Бѣдное, милое дитя, что мнѣ дѣлать съ тобою?

«—Прошу васъ, не вините меня, скромно перервалъ учитель: впрочемъ, не думайте, что я оскорбленъ вашими упреками, пѣтъ, истинно пѣтъ, сударыня; вы слишкомъ встревожены, слишкомъ убиты этимъ несчастіемъ, и сами не чувствуете, что говорите. Я увѣренъ, что совсѣмъ не то думаете.

«—Совсѣмъ пѣтъ, перебила старуха, я хорошо понимаю, что хочу сказать. Если бы вы не пугали, не приневоливали его безпрестанно корить за этими книжонками, онъ былъ бы теперь здоровъ и веселъ, я увѣрена.

«Учитель бросилъ умоляющій взглядъ на другихъ женщинъ, какъ бы выпрашивая нѣсколько словъ въ свою защиту, но всѣ онѣ раздѣляли предразсудокъ бѣдной бабки, всѣ въ голосъ начали бранить ученье, которое убивало ихъ дѣтей. Тогда, не говоря ни слова, не подавая никакого вида, не дѣлая упрековъ, онъ отходитъ въ другую сторону, гдѣ его маленькой другъ, полуодѣтый, лежалъ на постелѣ.

«Это былъ прекрасный мальчикъ; курчавые волосы разсыпались по его блѣдному личику и въ глазахъ блестѣлъ живой огонь; но они слишкомъ ярко горѣли, и казалось, уже не принадлежали землѣ. Учитель сѣлъ подлѣ него и, склонившись на изголовье, прошепталъ имя. Малютка вздрогнулъ, посмотрѣлъ на него, приложилъ къ своему лицу его руку и, обвившись около его шеи своими слабыми ручками, называла своего учителя самыми нѣжными именами. Вдругъ онъ замѣтилъ Нелли.

«—А это кто? спросилъ онъ съ удивленіемъ; я не смѣю обнять ее: боюсь заразить своею болѣзнію. Спросите ее, хочетъ ли она пожать мою руку.

«Дѣвушка, удерживая свои рыданія, подошла къ постели и взяла руку больного. Черезъ нѣсколько минутъ она почувствовала, какъ рука малютки тихонько скользила изъ ея рукъ. Забывчивость и оцѣпенѣніе смѣнили живую радость умирающаго.

«Учитель испугался этого припадка и сталъ говорить тихонько:

«—Ты не забылъ моего садика, не правда ли, Гарри? сказалъ онъ: а какъ въ немъ хорошо прогуливаться по вечерамъ! Надо скорѣе прійти тебѣ туда; цвѣтки-то соскучились по тебѣ, не такъ уже веселы, какъ при

тебѣ бывало. Ты скоро прійдешь, милое мое дитя, не правда ли?

Ребенокъ слегка улыбнулся и положилъ руку на сѣдую голову своего друга; онъ хотѣлъ что-то сказать, но ни одинъ звукъ не вылеталъ изъ его груди.

«Всѣ замолкли. Свѣжій вечерній вѣтерокъ наносилъ издали веселые крики.

«—Что это? спросилъ больной, раскрывъ глаза.

«—Это дѣти играютъ на лугу.

«При этихъ словахъ, мальчикъ шарилъ подъ подушками платка и, кажется, хотѣлъ махать имъ надъ головою, но рука его едва поднялась и снова упала на постель.

«— Не нужно ли тебѣ чего-нибудь? спросилъ его учитель.

— Помашите платкомъ изъ окна... привяжите его къ ставню, отвѣчалъ слабый голосъ: можетъ-быть, они замѣтятъ, пусть думаютъ, что я ихъ видѣлъ отсюда.

«—Онъ поднялъ голову и посмотрѣлъ на свои игрушки, которыя, вмѣстѣ съ книгами и съ аспидною доскою, поставлены были на столѣ по срединѣ комнаты; потомъ онъ снова прилегъ и спросилъ: гдѣ маленькая дѣвушка; онъ уже не видѣлъ ея болѣе.

«Нелли подошла и схватила его руку, которая повисла съ постели. Два друга, старикъ и мальчикъ, долго еще держали другъ-друга въ объятіяхъ; наконецъ, малютка, оборотившись лицомъ съ стѣнъ, погрузился въ глубокой сонъ.

«Бѣдный его учитель все сидѣлъ на томъ же мѣстѣ и не выпускалъ изъ рукъ холодной руки своего милаго ученика, стараясь согрѣть ее поцѣлуями. Но это была уже рука мертвеца; онъ чувствовалъ это... и все еще цѣловалъ ее... онъ не могъ рѣшиться отойти отъ него.»

Эта маленькая Нелли, лицо совершенно постороннее въ приведенной нами сценѣ, одно изъ самыхъ очаровательныхъ твореній пылкихъ романовъ. Во многихъ отношеніяхъ ея лицо служитъ дополненіемъ къ лицу Оливера Твиста, и присутствіе одной напоминаетъ непременно и другаго. Однако эти два лица совершенно отдѣльны и съ рѣзкими особенностями. Очень хорошо видно, что изъ всѣхъ лицъ, изображенныхъ кистью Диккенса, Нелли особенно занимала его; граціозные контуры этой дѣвочки всего болѣе нравились ему. Въ ней сосредоточились всѣ лучшія способности его ума, всѣ неподдѣльные движенія его сердца. Съ сама-

го начала, вѣрнымъ глазомъ онъ обиллъ цѣлый рядъ картинъ ея жизни, которыя онъ написалъ свободною кистью и твердою рукою, составляющею исключительную принадлежность великихъ мастеровъ. Лицо Нелли получило какъ бы дѣйствительное бытіе и сдѣлалось предметомъ живаго и общаго сочувствія. Ни чья смерть не была такъ громка и не заставляла проливать столько слезъ, какъ смерть этого воображаемаго дитяти; протечетъ много лѣтъ, прежде чѣмъ это впечатлѣніе изгладится другимъ, столько же сильнымъ, столько же всеобщимъ.

Сочиненія Диккенса отличаются необычайною осторожностію, съ какою онъ избѣгаетъ всѣхъ выходокъ, оскорбляющихъ нѣжный вкусъ. Эта заслуга тѣмъ болѣе имѣетъ цѣны, что самый родъ его сочиненій и простонародныя сцены, которымъ онъ особенно посвятилъ себя, подають много случаевъ къ непрерывнымъ шуткамъ. Счастливый инстинктъ его позволилъ ему, не теряя чистоты и скромности, остаться энергическимъ. Онъ слишкомъ много выигрываетъ строгостію въ выборѣ своихъ матеріаловъ, въ разстановкѣ группъ, въ движеніяхъ своихъ маленькихъ драмъ. Произведенія его плодовитаго пера становятся отъ этого не только возвышеннѣе и прекраснѣе сами въ себя, но еще поражаютъ своею отчетливостію строгіе умы, которые безъ того не приняли бы остроумныхъ, но занятныхъ неприличій или безправственности, изобрѣтеній. Отъ этого происходитъ, что они имѣютъ сильное и полезное вліяніе на общество, очищая страсти, что, по словамъ величайшихъ критиковъ древности, составляетъ единственную цѣль, которую должна имѣть трагедія.

Правственная и практическая цѣль, служащая основаніемъ всѣхъ сочиненій Диккенса, выводитъ его изъ ряда той сумасбродной литературы, которая изъ высокаго искусства письменности дѣлаетъ низкое ремесло, и съ намѣреніемъ отклоняется отъ всего благороднаго. Видно, что знаменитый романистъ глубоко чувствуетъ и всѣ ошибки, всѣ промахи, подъ тяжестью которыхъ падаютъ его собратья. Прекрасное составляетъ для него предметъ только второстепенный; и когда онъ находитъ его, можно считать это случаемъ; между-тѣмъ доброе и полезное у него всегда на первомъ планѣ. И сколько его сочиненія представили сильныхъ уроковъ! Старинныя злоупотребленія, укоренившіяся въ Англіи, быстро измѣнились; теперь нѣтъ уже болѣе Датбой-Галльскихъ пещеръ, куда алчность и жестокость заманивали дѣтей,

за тѣмъ только, чтобы изурлять ихъ; жалобы бѣдника, переданныя гениемъ, наконецъ достигли слуха правительства. Эти священныя жалобы потеряли свою простонародность, которая заграждала для нихъ входъ въ высшіе слои общества. Теперь требованіе хорошаго вкуса именно состоитъ въ томъ, чтобы подъ бѣдною одеждою, подъ рубищами, подъ грубымъ языкомъ, различать человѣческую душу. Диккенсъ дружно подаетъ свою руку великимъ филантропическимъ движеніямъ современной эры. Онъ научаетъ тѣмъ великимъ истинамъ, которыми прославился Каннингъ, только подъ другою формою. Всѣ романы Диккенса имѣютъ цѣлю облегчить состояніе классовъ, угнетенныхъ бѣдностью; съ живымъ чувствомъ съ глубокимъ сознаниемъ Бозъ стремится къ этой цѣли.

Какъ литераторъ, Диккенсъ достоинъ похвалъ другаго рода его: слогъ не образованъ изученіемъ классическихъ образцовъ, въ немъ не отыщете педантскихъ качествъ, — слѣдствія тяжкаго труда, по тѣмъ не менѣе онъ замѣчательнъ по своей естественной энергіи, по своей гибкости и изяществу. Люди, а не книги вдохновляютъ его. Надо дивиться, какъ мастерски онъ передаетъ обыкновенныя явленія природы и языкъ страсти. Его матеріалы взяты изъ простонародья, но выбраны съ удивительною разборчивостью и составлены съ особенною силою и свободою. Его выраженія носятъ глубокий отпечатокъ мѣстнаго вкуса, и потому, дѣйствуя непосредственно на умъ читателя, легко передаютъ всѣ черты, всѣ оттенки облеченныхъ ими мыслей. Его слогъ постепенно развертывается и прямо, безъ приготовленія, передаетъ мысли, выливающиеся изъ его плодovitаго воображенія. У него нѣтъ слѣда чуждаго влиянія, нѣтъ намска на то, о чемъ говорили или писали другіе, нѣтъ тѣхъ блестящихъ мозаикъ, для составленія которыхъ нужна научность, и которыя, съ примѣсю трескучаго языка, иногда ослабляютъ силу мыслей. Диккенсъ, безъ помощи искусства, самъ собою пролагаетъ себѣ дорогу; довѣрчивость къ своимъ силамъ и умѣнье находить всегда, по одной своей наблюдательности, источники одушевленной, ясной и остроумной фразеологіи, составляютъ неотъемлемое достоинство Диккенса. Поэтому слогъ его дѣйствительно оригиналенъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, оригиналенъ какъ поэзія Гомера, какъ разговоръ Шекспира, какъ проза Вальтеръ-Скотта.

Правда, эти качества не исключаютъ нѣкоторыхъ

неправильностей, и мы могли бы представить нѣсколько смѣшныхъ солецизмовъ, заимствованныхъ Диккенсомъ у журнальных неологовъ и въ новѣйшихъ романахъ. Но такія отдѣльныя пятна нисколько не портятъ природной чистоты и граціи его прекрасныхъ твореній.

Высказанное нами мнѣніе есть мнѣніе большей части нашихъ соотечественниковъ. Слѣдовательно понятно, почему Диккенсъ, при посѣщеніи Америки, былъ принятъ съ чистосердечнымъ и заслуженнымъ энтузіазмомъ. Значитъ, что своимъ прѣздомъ онъ сдѣлалъ намъ величайшее удовольствіе. Этотъ молодой человѣкъ, безъ богатства и безъ политическаго вѣса, такъ былъ принятъ у насъ, какъ только могъ ожидать самый знаменитый человѣкъ современной Англіи. Да и чему жъ дивиться? Ужели онъ не имѣлъ такого же права на народное привѣтствіе и общественное удивленіе, какъ эти кандидаты на знатность, прошедшіе и будущіе президенты, въ честь которыхъ каждый день раздаются тысячи рукоплесканій, звонятъ колокола каждаго города и гремятъ залпы? Нѣкоторымъ людямъ, всегда готовымъ противорѣчить благороднымъ порывамъ другихъ, не правится это, а мы, напротивъ, находимъ очень естественнымъ такой пріемъ чужестранцу, котораго мы знали уже напередъ, по его литературнымъ заслугамъ. Мы скорѣе согласимся, если угодно, что нѣкоторые выраженія признательности, законныя сами въ себѣ, къ несчастію, были нѣсколько смѣшны. Мы сожалѣемъ только, что Диккенсъ былъ осаждаемъ доуками нашихъ *синихъ-чулокъ*, которые выпрашивали у него на память локоны волосъ; что антрепренеры публичныхъ баловъ часто пользовались, для своей выгоды, объявленіемъ объ его магическомъ присутствіи; досадуемъ, что его терзали вопросами, когда онъ посѣщалъ наши школы глухо-нѣмыхъ, и что необходимость снабжать *автографами* своего супруга всѣхъ просителей, отнимала у мистриссъ Диккенсъ цѣлые дни. Впрочемъ, говоря вообще, такой пріемъ сдѣлалъ честь просвѣщенію и хорошему вкусу страны.

Романистъ ничего не потерялъ отъ этихъ нечаянныхъ опытовъ надъ присутствіемъ его духа и его импровизаторскими способностями. Всѣ, кто слышалъ и видѣлъ его, были очарованы его свободнымъ обхожденіемъ и сердечною простотою. Его привѣтствія всегда кратки, коротки и полны чувства; въ нихъ ни что не напоминаетъ претензій литературныхъ львовъ, а его застольныя рѣчи верхъ совершенства. Мы, уже при-

вышше къ подобному краснорѣчію, торжественно объявляемъ, что ничего не слышали столько чуднаго, такъ разительнаго, какъ *dinnerspeech*, произнесенную въ Нью-Йоркѣ авторомъ *Николая-Никльби*. Его намеки на Вашингтонъ-Прингга превосходны въ устахъ романиста, а искусство упомянуть объ немъ въ своей рѣчи вполне заслужило тысячи *браво*. Мы предсказываемъ Диккенсу, — если ему случится засѣдать на парламентскихъ скамьяхъ, — полный успѣхъ, которыми могутъ гордиться его читатели, уже очарованные и побѣжденные его краснорѣчіемъ.

Желая пресѣчь вредныя слѣдствія перепечатыванья, — это была серьезная цѣль его путешествія, — Диккенсъ возбудилъ въ Америкѣ продолжительное и сильное движеніе. Чтобы дать всѣмъ своимъ идеямъ по этому предмету, онъ употребилъ прекрасное средство; и если умѣренность не отстранила отъ него несправедливыхъ и грубыхъ нападокъ нѣкоторыхъ журналистовъ, то она вполне правилась людямъ благонамѣреннымъ, знакомымъ съ теоріями общественнаго права, которое онъ проповѣдывалъ въ Соединенныхъ-Штатахъ. Они защищали Диккенса отъ клеветниковъ, которые считали его нанятымъ агентомъ лондонскихъ издателей, и въ его путешествіи, въ которомъ онъ искалъ отдыха отъ продолжительныхъ трудовъ, непремѣнно хотѣли видѣть торговую спекуляцію книгопродавческаго по-вѣреннаго. Благодаря Бога, эти нелѣпыя клеветы не заслужили никакого довѣрія, и Диккенсъ видѣлъ уже первые результаты своихъ усилій. Мы имѣемъ много причинъ думать, что главные издатели Нью-Йорка и Филадельфіи готовы уже установить взаимныя права литературной собственности, которыхъ американскіе писатели требовали гораздо прежде, чѣмъ англійскіе.

Намъ остается сказать о послѣднемъ произведеніи Диккенса, которое собственно относится къ Америкѣ. Мы говоримъ о *Notes for general circulation*. Благодаря дѣятельности типографій, это сочиненіе, почти съ самаго появленія въ свѣтъ, получило всеобщую извѣстность и заслужило общее одобреніе, — что освобождаетъ насъ отъ обязанности входить въ подробный разборъ его. Безъ сомнѣнія, тотъ обманулъ, кто ожидалъ отъ Диккенса длинныхъ политическихъ диссертаций, полной картины американскихъ учреждений и философическихъ размышленій о всякой всячинѣ. Но что сказали бы тогда объ остроумномъ авторѣ *Pickwick-papers*? Къ чему пускаться въ такіе предметы, кото-

рые вовсе не къ лицу ему? Впрочемъ, въ короткое пребываніе въ Америкѣ, онъ и не могъ рѣшиться на серьезный трудъ. За то мы въ правѣ были ожидать отъ него цѣлага ряда эскизовъ, вѣрной и остроумной картины американскихъ нравовъ. И въ этомъ не обманулись.

Мы слышали, что нѣкоторые скрупулезные читатели обижаются юмористическими замѣтками англійскаго путешественника. Это удивляетъ насъ, но только въ половину, потому-что у насъ дѣйствительно много такихъ патриотовъ, которымъ всѣ критическія наблюденія надъ ихъ страной кажутся ужасною обидою, хотя бы они были вѣрны и основательны. Такіе патриоты должны были припятъ и, въ самомъ дѣлѣ, приняли невинныя шутки Диккенса надъ американскими пароходами и дилижансами за горькую сатиру надъ американскою цивилизаціею. Однако Диккенсъ не сказалъ ничего лишняго. Онъ не погрѣшилъ, ни дѣломъ, ни мыслию, когда шутилъ надъ нашими дурными привычками, которыя, напримѣръ, породило излишнее употребленіе табаку и которыя скоро заставятъ каждаго гражданина Соединенныхъ-Штатовъ имѣть при себѣ плевалницу въ родѣ сумы. Эти легкія насмѣшки ни сколько не обидны. Но что сказать объ ѣдкой тирадѣ противъ нашихъ журналовъ? Она отчасти справедлива, но все же отчасти. Слѣдовало бы указать разницу между органами американской журналистики, которые не всѣ походятъ другъ на друга. Между-тѣмъ Диккенсъ сдѣлалъ изъ американскаго книгопечатанія вообще какое-то адское царство, которое изобразилъ въ ужасныхъ чертахъ. Но сколько бы ни было журналовъ, подходящихъ подъ эту категорію, какъ бы ни велико было число ихъ читателей, они никогда не владычествуютъ, никогда не управляютъ мнѣніемъ публики. Клевета падаетъ, презирается и исчезаетъ сама-собою, хоть бы журналы цѣлый годъ распространяли ее во всѣхъ концахъ Соединенныхъ-Штатовъ. Развѣ на нѣсколько дней клевета успѣетъ иногда повредить репутации честнаго человѣка, въ угодность какихъ-нибудь негодяевъ; это верхъ ея торжества. За то подобные наглецы такимъ образомъ выставляютъ, какъ-будто на показъ, все свое невѣжество, всю низость и безнравственность. Умные люди никогда не вѣрятъ такимъ журналамъ ни въ чемъ, потому нельзя имъ и приписывать большаго вліянія на общество; только не слѣдуетъ судить объ нихъ по шуму, какой они производятъ на небрежныхъ, на ули-

цахъ и за игорными столами. Въ подобныхъ мѣстахъ, какъ въ харчевняхъ, да на рынкѣ, только и встрѣтите эти журналы. Ихъ шпионство и злословіе никому не страшны, кромѣ какого-нибудь несчастнаго демагога, который, по прекрасному выраженію древняго сатирика, «хочетъ убить рыбу въ мутной водѣ народныхъ толковъ». Но человекъ честный, который идетъ благороднымъ путемъ къ благородной цѣли, можетъ отвѣчать презрѣніемъ на свистъ этой стоглавой гидры продажнаго, безнравственнаго книгопечатанія.

Русская Исторія.

О ПРОИСХОЖДЕНІИ НЕКОТОРЫХЪ ДВОРЯНСКИХЪ ФАМИЛІЙ РУССКИХЪ ИЗЪ ПОЛЬШИ.

—

ЗАПИСКА ГРАФА ИВАНА ГРИГОРЬЕВИЧА ЧЕРНЫШЕВА КЪ ЕПИСКОПУ АДАМУ НАРУШЕВИЧУ, И ОТВѢТЬ НАРУШЕВИЧА.

—

I.

Записка графа И. Г. Чернышева.

Прежде всего нужно справиться объ имени Черническаго (Czerniesky), который взятъ былъ военнопленнымъ, или переселился въ Россію, въ тысяча пять-сотъ шестидесятихъ годахъ, что я могу доказать самыми достоверными актами. Въ этихъ актахъ сказано, что онъ взятъ былъ въ плѣнъ русскою арміею подъ командою Овчины Оболенскаго и другаго лица, котораго имени я теперь не-

упомяну; что военнопленный, прибывъ въ Россію, нашелъ здѣсь роднаго дядю, человека одинокаго, безъ дѣтей, который и убѣдилъ его остаться. Отъ него и произошелъ родъ Чернышевыхъ; имя Владиміръ, подъ которымъ онъ извѣстенъ, ничего не говоритъ противъ этого. Онъ долженъ былъ быть католикомъ, потому-что былъ Полякъ, и носилъ, вѣроятно, какое-либо другое имя; но, сдѣлавшись подданнымъ Россіи, принялъ имя святаго греко-россійскаго исповѣданія. Могъ ли онъ избрать, или могли ли ему выбрать другое, болѣе приличное, нежели имя перваго князя русскаго, который принялъ христіанскую вѣру и ввелъ ее въ своихъ владѣніяхъ?

Гербъ фамилии Чернышевыхъ, до полученія ими графскаго достоинства, былъ очень простъ: щитъ самый простой, — въ серединѣ лошадиная подкова, скобой внизъ, съ крестомъ, въ родѣ мальтійскаго, въ серединѣ, поле голубое и золотое (bleu et or), въ верхней части дворянская корона и крыло ястреба. Такъ именно онъ описанъ въ фамильныхъ актахъ.

Что касается до сходства и сродства именъ Черни, Чарнескій, Чарньскій, — Czerny, Czarnesky, Czarnieski, то едва ли есть иностранцы, которые бы не ошибались въ правописаніи и не ставили e вмѣсто i, — что можетъ ввести въ сомнѣніе и заблужденіе. Но такъ-какъ гербы болѣею частью отличны одинъ отъ другаго, то я думаю, можно будетъ рѣшить этотъ вопросъ положительно, отыскавъ гербъ, наиболѣе приближающійся къ гербу старыхъ Чернышевыхъ. Все это показываетъ необходимость розыскать, не извѣстно ли фамильное имя того военнопленника или перебѣжника. Я нахожу одного Александра Черническаго, посланнаго въ Россію въ 1656 году къ царю Алексѣю, и у него такой же гербъ, какъ у Чернышевыхъ, съ тою только разницею, что у послѣднихъ подкова скобой внизъ, а у него вверхъ. Другой, также Чернискій (если нѣтъ ошибки въ имени), имѣетъ ту же подкову скобою внизъ и безъ креста. Противъ этого нечего сказать; но не знаю, почему бы Чернышевы оборотили подкову, если происходятъ отъ первыхъ, и прибавили крестъ, если происходятъ отъ вторыхъ. Можетъ-быть, они хотѣли тѣмъ показать, что обратились въ христіанство.

Я почелъ бы себя очень обязаннымъ, если бѣ получить (въ случаѣ возможности этого) нѣкоторые извѣстія и подробности о порученіи, съ какимъ прибылъ въ Россію въ 1656 году Александръ Чернискій,

и также точное опредѣленіе года, чтобы можно было о томъ справиться и въ русскихъ архивахъ.

Мы пишемся всегда Czernichew, а не Tschernichew, что болѣе походить на Czernizki, ничего впрочемъ не доказывая. Фамилія Чернышевыхъ, то-есть родоначальники тѣхъ, которые нынче въ Россіи, утвердилась въ царствованіе Сигизмунда-Августа, сколько помню изъ актовъ фамильныхъ, именно въ 1567 или 1568 годахъ, — не помню навѣрное, только въ шестидесятыхъ. Отцу моему, если бѣ онъ былъ живъ, было бы въ 1788 году 117 лѣтъ.

II.

ИЗВѢСТІЕ О ГЕРБѢ ФАМИЛІИ ГРАФОВЪ ЧЕРНЫШЕВЫХЪ.

Записка Адама Нарушевича.

Я имѣю подъ руками снимокъ съ гербовой печати Его Превосходительства Ивана Григорьевича Чернышева, графа Россійской Имперіи, сенатора, вице-президента адмиралтейства, начальника Императорскаго флота и галерной гавани, дѣйствительнаго камергера Ея Величества Государыни Императрицы, кавалера императорскихъ орденовъ и разныхъ иностранныхъ.

Середина герба занята продолговатымъ гладкимъ (plein) щитомъ съ подковою и крестомъ. Поле разделено на четыре части (écartelé) раздвоенными императорскими орлами и поперечными полосами (de pals ou bandes) безъ зубцовъ, которыя вѣроятно изображали то же, что у Римлянъ согона muralis, согона obsidionalis. Щитъ поддерживается двумя обыкновенными орлами, держащими въ когтяхъ крестообразно (en sautoir) два знамени: одно изъ нихъ имѣетъ надъ собою подкову, другое — крыло. Двуглавые орлы и поперечныя полосы суть украшенія, данныя роду Чернышевыхъ въ Россіи, вмѣстѣ съ графскимъ достоинствомъ; подобные примѣры видимъ и въ польскихъ фамиліяхъ, украшенныхъ титулами князей и графовъ священной римской имперіи.

Слѣдовательно, настоящій и первоначальный гербъ графовъ Чернышевыхъ — подкова съ крестомъ и крыло.

Разсматривая этотъ гербъ и имя рода, которому онъ принадлежитъ, можемъ сказать утвердительно, что и гербъ этотъ и фамилія — происхожденія польскаго.

Къ этому приводятъ насъ три довода:

Во-первыхъ: сродство и сношенія русскаго народа, равно какъ и самое его сосѣдство съ Литвою и Польшою.

Во-вторыхъ: самое вѣрное указаніе происхожденія рода, представляемое его гербомъ, и совершенное отличіе польскихъ гербовъ отъ другихъ иноземныхъ.

Въ-третьихъ: слѣды сходства герба и фамиліи съ гербомъ и фамиліею, отысканными въ Польшѣ.

Что касается до перваго пункта, то нѣтъ сомнѣнія, что встарину великіе князья литовскіе обладали болѣею частью Малаю Россію, * именно областями: Полоцкою, Смоленскою, Новгородъ-Сѣверскою, Кіевскою и Черниговскою, и слѣдовательно, были сосѣди съ владѣніями русскими, и что они назначали въ эти области членовъ своего дворянства, даже князей собственной крови, правителями областей, округовъ или городовъ. Такимъ образомъ, княжескія фамиліи Бѣльскихъ, Куракинскихъ, Голицыныхъ (Galiczyn), Боратынскихъ, Трубецкихъ, Метиславскихъ, Хавацкихъ и другихъ, будучи происхожденія литовскаго, сдѣлались вполнѣдствіи фамиліями русскими. И на оборотъ, потомки владѣтельныхъ князей (русскихъ), князья Масальскіе, Огинскіе, Пронскіе, Шуйскіе, Воротынскіе, Недединскіе, Глинскіе, Вяземскіе, Одоевскіе, такъ же, какъ и потомки дворянскихъ фамилій Потемкины, Нарышкины, Обресковы, Любецкіе, Соколинскіе, и другіе, перешли изъ Россіи въ Литву. Это подтверждается какъ дарственными записями, данными этимъ фамиліямъ королями польскими, такъ и другими актами, сохранившимися въ архивахъ литовскихъ. Достоверно также, что, какъ въ древности, такъ и въ ближайшія времена, происходили частыя войны между королями польскими и государями русскими за эти самыя области и, въ слѣдствіе заключенныхъ трактатовъ, измѣнялась граница двухъ государствъ; потому, много Поляковъ и Литовцевъ, взятыхъ военнопленными и женившихся въ Россіи, поселились въ ней и сдѣлались такимъ образомъ ея подданными; а другіе перешли къ Россіи со всемъ своимъ родомъ и владѣніями, вмѣстѣ съ уступленными областями. Не нужно восходить слишкомъ далеко для того, чтобы убѣдиться, сколько плѣнныхъ и выходцевъ утвердились въ Россіи,

* Подъ именемъ Малаю Россіи, къ противоположность Великой, Нарушевичъ понимаетъ всю западную и юго-западную Русь.

напримѣръ въ послѣднюю революцію. Что касается до тѣхъ, которые перешли подъ владычество Россіи въ слѣдствіе уступокъ земель и трактатовъ, именно въ правленіе Яна-Казимира, когда за-днѣпровскія провинціи, Кіевская, Смоленская и Сѣверская, возвращены были отъ Польши, то эти роды сохранили фамильное имя своихъ предковъ, какъ примѣръ Храповицкіе, Юдицкіе и другіе, хотя нѣкоторые изъ нихъ измѣнили нѣсколько свою фамилію по духу языка новой родины, — такъ Черницкіе превратились въ Чернышевыхъ, Булгакъ въ Булгакова, Каминскіе въ Каменскихъ, сохранивъ, впрочемъ, неизмѣнно отличительное указаніе своего происхожденія въ гербѣ, свидѣтельствующемъ о древности ихъ знаменитыхъ родовъ. Ничѣмъ нельзя лучше доказать происхожденія фамиліи, ея родословіе и къ какой націи она принадлежитъ, какъ гербомъ ея: гербъ — самый вѣрный указатель ея происхожденія. Разныя обстоятельства времени и мѣста могутъ измѣнить или переименовать фамилію; но гербъ остается указателемъ ея настоящаго происхожденія. Это, такъ сказать, Аріаднина нить, которая проведетъ насъ по самымъ извилистымъ переходамъ лабиринта.

Польское дворянство, отъ котораго произошло столько фамилій, именовалось встарину большею частию по гербамъ своимъ. Примѣръ: Янъ Цюлекъ, Яковъ Радванъ, Петръ Остоя, Симонъ Новина, Александръ Ястребець. (*) Роды, происшедшіе отъ этихъ древнихъ воиновъ, какъ Поляковъ, такъ и пришельцевъ изъ Чехіи, Венгріи, Германіи и другихъ отдаленныхъ странъ, — принимали, правда, прозвища по землямъ, которыя получали по наследству, или въ награду отъ королей, какъ примѣръ: Черницкіе отъ Черницы, Худковскіе отъ Худкова, Дроздовскіе отъ Дроздова; но всѣ они сохраняли гербъ *Ястребець* и присоединяли это имя къ имени, данному при крещеніи, и прозвищу своему отъ владѣнія, чтобы измѣненіе родовой фамиліи не могло, съ теченіемъ времени, изгладить слѣдовъ ихъ происхожденія.

* Для большей ясности сказаннаго, надобно замѣтить, что всѣ древніе гербы польскіе носили каждый особое названіе, — напримѣръ Цюлекъ (Ciolek), Янина (Janina), Погоня (Pogon), Ястребець (Jastrzebiec), и тому подобныя, такъ что, желая сказать о которомъ-нибудь изъ нихъ, не нужно описывать его щитовъ, а достаточно назвать его по имени. Эти гербовыя прозвища свойственны только геральдикѣ польскаго дворянства, и темъ отличаются его отъ иноземныхъ.

Примѣчаніе Наруцевича.

Самое это вниманіе къ сохраненію своихъ фамильныхъ гербовъ много способствуетъ къ отысканію происхожденія нашего дворянства, находящагося какъ въ Польшѣ, Литвѣ, такъ и въ Россіи, и даже въ другихъ странахъ, куда оно переселилось по случайнымъ обстоятельствамъ. Основываясь на этихъ признакахъ, сеймъ республики и положилъ признать польскими гражданами и дворянами тѣхъ иностранцевъ, которые носили польскій гербъ и фамилію. Такимъ образомъ можно признать согражданами свойственникововъ по родословной и по гербу, находящихся въ самыхъ отдаленныхъ концахъ Европы, такъ-какъ гербы польскаго дворянства рѣзко отличаются отъ гербовъ иностранныхъ дворянъ: различныя кресты, животныя, птицы и фигуры, находящіяся въ щитахъ послѣднихъ, не имѣютъ ни малѣйшаго сходства съ *ястребцомъ* и другими гербами, исключительно принадлежащими Польшѣ.

Что касается до третьяго пункта, то въ числѣ польскихъ фамилій, приводимыхъ Папроцкимъ, Окольскимъ Нѣсьцкимъ и Кояловичемъ въ герольдическихъ таблицахъ, находимъ и фамилію Черницкихъ. Есть, впрочемъ, и другія фамиліи, похожія на эту, — Черни, Чернецкій, Чернѣцкій, Черняковскій, Черникъ, Чернѣкъ, Чернѣвскій, Чернѣтовскій, Чернѣцкій, Чернѣвичъ, — но у нихъ другіе гербы, и слѣдовательно они другаго происхожденія. Фамилія Черницкихъ получила свое прозвище отъ земли Черницы (Czernice). Первоначальное ея мѣстопребываніе было въ Плоцкомъ палатинатѣ и въ Мазовіи. Въ правленіе Ягеллоновъ, нѣкоторые изъ Черницкихъ перешли въ Литву, и одинъ изъ нихъ по имени Александръ, подстолий Виленскій, отправленъ былъ въ 1656 году королемъ Яномъ-Казиміромъ къ царю Алексѣю Михайловичу въ Москву, чтобы приять участіе въ переговорахъ о заключеніи мира между Польшею и Россіей (см. подлинныя письма Яна-Казимира, хранящіяся въ королевскомъ архивѣ). Черницкіе имѣютъ гербъ *ястребець*, съ тою только разницею, по Нѣсьцкому, что Ястребець вообще есть подкова концами вверхъ съ крестомъ въ серединѣ; а въ гербѣ Черницкихъ подкова концами внизъ и безъ креста сверху *. Не знаемъ, по какой причинѣ Черницкіе обо-

* Niesiecki, tom I, str. 378, vocē Czernicki, говорить, что видѣлъ родословную фамилію Красинскихъ, родственниковъ Черницкихъ, и что въ этой родословной подковѣ въ гербѣ Черницкихъ концами внизъ и безъ креста сверху. Онъ присовокупляетъ также, что у Черницкихъ нѣтъ въ щитѣ изображенія ястреба.

ротили подкову въ своемъ гербѣ, и вмѣсто изображенія ястреба, оставили только крыло на шлемѣ. Впрочемъ, подобныя легкія измѣненія часто встрѣчаются и въ другихъ гербахъ польскихъ, не касаясь главныхъ частей щита, чему видимъ примѣръ въ гербахъ, называемыхъ Prus primo, Prus secundo, Prus tertio и проч. Нѣсьцкій находитъ еще, между фамиліями съ этимъ гербомъ, фамилію Худковскихъ, въ Люблинскомъ староствѣ, въ землѣ Луковъ. Изъ всего сказаннаго можно съ достовѣрностью заключить, что фамилія графовъ Чернышевыхъ переселилась въ Россію изъ Польши въ лицѣ одного изъ предковъ фамиліи Черницкихъ. Имя Чернышевъ измѣнилось изъ Черницкаго, вслѣдствіе духа языка. Гербъ ихъ такой же, какъ и у Черницкихъ, то есть Ястребець, или подкова концами внизъ, съ крестомъ въ серединѣ.

Какъ послѣднее доказательство я долженъ упомянуть здѣсь о селеніи Худеницѣ (Chudenice), основанномъ однимъ изъ графовъ Чернышевыхъ, вѣроятно, въ память сродства фамилій Худковскихъ и Черницкихъ, или, можетъ-быть, потому, что глава этой фамиліи былъ родомъ изъ Чехіи, гдѣ есть городокъ Худеница (Chudenica). Время утвержденія Черницкихъ въ Россіи должно быть извѣстно фамиліи графовъ Чернышевыхъ. Во всякомъ случаѣ, разсматривая родословіе нынѣшняго графа Ивана Григорьевича въ восходящемъ порядкѣ:

Отецъ его, Григорій. —

Дѣдъ, Петръ. —

Прадѣдъ, Захарія. —

Прапрадѣдъ, Димитрій. —

Отецъ прапрадѣда, Илья. —

Предокъ, Владиміръ. —

Можно заключить, что именно этотъ Владиміръ и поселился въ Россіи, двѣсти лѣтъ тому, въ правленіе короля Сигизмунда-Августа, въ теченіе котораго происходили войны съ царемъ Иваномъ Васильевичемъ. Шесть поколѣній предковъ графа Чернышева, изъ которыхъ каждый совершилъ долговременное поприще жизни, конечно, могутъ напомнить собою промежутокъ двухъ столѣтій.

Нѣтъ ничего необыкновеннаго въ томъ, что этотъ природный Полякъ носилъ имя Владиміра, потому-что многіе изъ Поляковъ принимаютъ имена святыхъ греческаго календаря. Впрочемъ, Черницкій, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, могъ переимѣнить имя, переимѣнивъ

отечество: по свидѣтельству нашихъ писателей, часто и русскія княжны, вышедшія замужъ за королей и принцевъ польскихъ, въ угожденіе августѣйшимъ супругамъ и народу, среди котораго онѣ поселялись, такимъ же образомъ переимѣняли свои имена.

С л ѣ с ъ .

МЕКСИКАНСКІЕ РАЗБОЙНИКИ. Мексика съ давнихъ поръ славилась громадными богатствами и многочисленными шайками разбойниковъ. Но теперь богатства нѣсколько уменьшились, а число разбойниковъ между тѣмъ увеличилось. Въ городѣ Мехико, на другой день послѣ каждаго праздника, въ главную больницу обыкновенно привозятъ отъ двадцати до сорока раненыхъ, для которыхъ еще съ вечера приготавливаютъ особую залу. А по мексиканскому календарю считается по-крайней-мѣрѣ сто-шестьдесятъ праздничныхъ дней въ году. Отъ Вѣра-Крусъ до Мехико, бродятъ безчисленныя разбойничьи шайки; по этой опасной дорогѣ никто не рѣшится отправиться изъ одного города въ другой безъ конвоя. Но конвой стоитъ очень дорого и почти не оказываетъ никакой защиты: при первой встрѣчѣ съ разбойниками, ваши провожатые тотчасъ обращаются въ бѣгство. Случается, что конвой помогаетъ бандитамъ обирать своего путешественника; *лядроны* отнимутъ у васъ часы, а солдаты ограбятъ васъ до послѣдней сорочки. Нерѣдко проводники сами исполняютъ ремесло бандитовъ, и чтобы путешественникъ, по своей нескромности, не обезславилъ ихъ добраго имени, его отправляютъ на тотъ свѣтъ, и послѣ придумаютъ такую мудреную исторію о его смерти, что ни одинъ судья не рѣшится изслѣдовать дѣла.

Въ Римѣ вы встрѣтите въ рукахъ разнощиковъ кучу маленькихъ книжекъ, въ которыхъ, то стихами, то прозою, рассказываются удалые подвиги знаменитыхъ разбойниковъ. Эти книжонки съ жадностію перечитываются и заучиваются на память во всѣхъ римскихъ лавкахъ. Въ Мехикѣ нѣтъ подобной литературы, потому, что мексиканцы плохо разбираютъ грамоту. Но тамъ есть преданіе, и знаменитыя имена бандитовъ переходятъ изъ устъ въ уста, пользуются безсмертною славою и въ Мехикѣ, такъ же, какъ въ Римѣ. Надо замѣтить, что мексиканскіе бандиты не отличаются изысканностію костюма, какъ ихъ собратія въ Италіи и Испаніи. Они не носятъ ни фантастическихъ колпаковъ, ни чудовищныхъ кинжаловъ, ни баснословныхъ плащей.

Они одъваются одинаково съ южно-американскими крестьянами, и, подобно имъ, не брѣютъ бороды мѣсяцевъ по шести и почти не знаютъ употребленія очистительной воды. Во всей державѣ покойнаго Монтесумы не найдете ни одного подражателя изящнаго бандита Андалузіи, Хозе-марія, который щеголялъ своимъ облюбованнымъ бѣльемъ. Правда, Хозе-марій воспитывался въ гранадскомъ университетѣ и уже, по несчастнымъ обстоятельствамъ, въдумалъ прибѣгать къ кошелямъ туристовъ.

Въ мексиканскихъ преданіяхъ особенно славятся Хозе-Польворилла, Романа-Чавесъ, Хуанъ-Виги и Гарсиласо. Хозе-Польворилла началъ съ того, что въ одинъ праздничный день убилъ содержателя таверны, который не хотѣлъ отпустить ему въ долгъ вина. Опасаясь мщенія со стороны родственниковъ убитаго, онъ убѣждалъ и скрылся въ лѣсу. Тогда ему было девятнадцать лѣтъ. Къ нему присоединились нѣсколько товарищей; за одну славную побѣду надъ солдатами, которые напали на нихъ въ-распlochъ, онъ былъ избранъ начальникомъ шайки, и въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ его имя наводило ужасъ на путешественниковъ. Онъ убилъ сто-тридцать-девять человекъ, и самъ былъ убитъ во время одного нападенія на богатый караванъ.

Романъ-Чавесъ былъ какъ-то замѣшенъ въ одномъ преступленіи и заключенъ въ тюрьму, въ самомъ глубокомъ подземельѣ, гдѣ его ноги, обремененныя тяжелыми цѣпями, опирались въ сырую, влажную землю. Онъ пробылъ въ этой душной тюрьмѣ болѣе года; его характеръ такъ ожесточился, что, получивъ свободу, онъ, среди бѣлаго дня, зѣркалъ одного изъ искреннихъ своихъ друзей и сдѣлался страшнымъ разбойникомъ. Впрочемъ, его любили всѣ мексиканскіе крестьяне; до сихъ-поръ они со слезами рассказываютъ о его подвигахъ. Онъ былъ великодушный и щедрый человекъ: ни одинъ нищій не отходилъ отъ него безъ богатаго подаванія. Онъ любилъ музыку и поэзію и самъ импровизировалъ куплеты. Одна дѣвушка изъ Пуэблы, рѣдкая красавица, оставила свое семейство, чтобы раздѣлить съ нимъ бродячую жизнь. Но она скоро умерла, и послѣ этого Чавесъ пропалъ безъ вѣсти. Народъ вѣритъ, что его унесъ дьяволъ.

Хуанъ Вига долго былъ безвѣстнымъ разбойникомъ: но вдругъ приобрѣлъ знаменитость однимъ убійствомъ, о которомъ до-сихъ-поръ рассказываютъ въ Мехико. Это было въ 1784 году. Въ Мехико жилъ Испанецъ, Хоакимъ-Донго, который пріѣхалъ изъ Бискаіи безъ одного реала и честною торговлею нажилъ миллионы. Онъ пользовался общимъ уваженіемъ и былъ любимъ всѣми бѣдными, которымъ оказывалъ много благотвореній. По смерти своего главнаго прикащика, онъ призвалъ его единственнаго сына и далъ ему мѣсто конторщика. Но молодой конторщикъ Эстебанъ Альдама былъ непогодливъ, мотъ, игрокъ. Донго нѣсколько времени си-

сходилъ къ его шалостямъ, но наконецъ потерялъ терпѣніе и отказалъ ему отъ должности. Не видя никакихъ средствъ къ существованію, Альдама обратился къ Мануэлю Эртису, съ которымъ давно познакомился въ одномъ игорномъ домѣ. Они сдѣлались неразлучными друзьями и скоро сблизились съ Вагою. Вага былъ контрабандистомъ, лакеемъ, таможеннымъ приставомъ, почтальономъ, тюремщикомъ и, наконецъ, сдѣлался придорожнымъ разбойникомъ. Онъ пріѣхалъ въ городъ только для того, чтобы покутить послѣ удачнаго грабежа на дорогахъ.

Эти три пріятеля рѣшились перевести въ свои руки богатство Хоакима Донго. Альдама взялся быть руководителемъ. Крыши мексиканскихъ домовъ устроиваются въ видѣ террасъ, гдѣ обыкновенно ставятъ большія вазы съ цвѣтами. Въ одну ночь, всѣ заговорщики пробрались по этимъ крышамъ, изъ квартиры Ортиса до дома Донго. Дверь была разломана безъ всякаго шума; всѣ жители дома спали крѣпкимъ сномъ. Ортисъ зарѣзалъ Испанца, и товарищи приступили къ сундуку, въ которомъ хранились деньги. Но Вига замѣтилъ, что, разламывая сундукъ, они могутъ разбудить слугъ. Бандиты рѣшились обезопасить себя и съ этой стороны,—и тотчасъ, подъ ударами ихъ кинжаловъ, пали еще тринадцать человекъ. Послѣ этого, бандиты нагрузились жемчугомъ, алмазами и золотомъ и счастливо убрались домой, по прежней дорогѣ.

На другой день вѣсть объ этомъ ужасномъ убійствѣ дошла до вице-короля графа де-Ревиллагедо. Вице-король былъ человекъ дѣятельный, рѣшительный; до-сихъ-поръ рассказываютъ объ немъ много анекдотовъ, какъ онъ передѣвался въ простое платье, ходилъ по всѣмъ улицамъ и по рынкамъ и наблюдалъ за исполненіемъ своихъ приказаній. Ревиллагедо поклялся, что черезъ восемь дней убійцы несчастнаго Хоакима-Донго будутъ на висѣлицѣ. Онъ предпринялъ самые дѣятельные розыски, обѣщалъ двѣ тысячи піастровъ тому, кто откроетъ злодѣевъ.

Прошло пять дней, и все еще не открыли никакихъ слѣдовъ убійць. Одинъ помѣщикъ, жившій въ нѣсколькихъ миляхъ отъ столицы, нарочно пріѣхалъ въ Мехико, чтобы взглянуть на мѣсто ужаснаго преступленія. Онъ долженъ былъ явиться полицейскому начальству, чтобы объявить свое имя и званіе и причины своего пріѣзда. Послѣ официального показанія, онъ прибавилъ, что, проходя мимо одной цырюльни, онъ замѣтилъ, какъ вошелъ туда молодой человекъ, у котораго волосы, по модѣ, были перевязаны лентою, и на этой лентѣ было большое кровавое пятно. Позвали цырюльника; узнали, что этотъ молодой человекъ былъ Эстебанъ Альдама. Припомнили, что Альдама жилъ нѣсколько времени у Донго; потому тотчасъ взяли его и заключили въ тюрьму. При допросѣ, онъ показалъ, что, по утру, смотрѣлъ на бой пѣтуховъ, и когда одинъ изъ нихъ былъ убитъ,

онъ поднялъ его съ земли и послѣ того, окровавленными пальцами, вфронтно, дотронулся до ленты. Сдѣлали справку; оказалось, что Альдама говорилъ правду. Хотѣли уже освободить его изъ тюрьмы, какъ вдругъ узнали, что за нѣсколько дней до преступленія, Ортисъ кушилъ у одного разнощика длинный ножъ; а Ортисъ, какъ было извѣстно, велъ дружбу съ Альдамою. Подозрѣнія усилились; Ортиса тоже взяли въ тюрьму. Стали допрашивать порознь того и другаго, что они дѣлали днемъ и вечеромъ наканунѣ убійства Донго. Показанія ихъ противорѣчили одно другому. Узнали, что въ тотъ день они видѣлись съ Вигою. Вига былъ лицо таинственное, потому что его подвиги на большихъ дорогахъ никому не были извѣстны; но непомѣрныя издержки, которыя онъ дѣлалъ въ свою бытность въ городѣ, требовали объясненія. Это мотовство какъ-то не гармониовало съ его грубыми приемами, обличавшими завидное его положеніе въ обществѣ. Онъ былъ также заключенъ въ тюрьму.

Узнавъ, что Вига былъ уже въ рукахъ правосудія, Ортисъ увидѣлъ перстъ Божій въ этомъ ничтожномъ обстоятельстве, которое привело ихъ въ тюрьму. Терзаемый угрызениями совѣсти, онъ признался въ своемъ преступленіи и указалъ мѣсто, гдѣ были скрыты награбленныя сокровища. Вига понялъ, что заператься не было возможности, и признался еще въ двѣнадцати или пятнадцати убійствахъ. Черезъ восемь дней послѣ убійства, на площади были устроены три висѣлицы. Вице-король сдержалъ слово, и съ балкона своего дворца смотрѣлъ, какъ три убійцы прощались съ жизнью. Вига преспокойно курилъ сигару, когда шелъ на мѣсто казни, и подъ самую петлю снова зажегъ потухшую сигару.

Мексиканцы помнятъ еще бандита Гарсиласо. Этотъ разбойникъ получилъ довольно хорошее воспитаніе. Онъ былъ иногда жестокъ, а по временамъ любилъ забавляться шутками. Въ одно утро, прогуливаясь съ своими пріятелями по большой дорогѣ, онъ встрѣтилъ проповѣдника, который ѣхалъ на мулѣ. Разбойники были въ веселомъ расположеніи духа; они преградили дорогу и остановили проповѣдника.

«Откуда, батюшка? спросилъ Гарсиласо.

— Изъ Сакатекаса, отвѣчалъ поблѣднѣвшій отъ испуга проповѣдникъ.

«Зачѣмъ васъ Богъ носилъ туда?

— Говорить проповѣди, по случаю праздника.

«Дорого ли платили вамъ за проповѣдь.

— По два піастра.

«Это немного; за такую цѣну и мы можемъ услышать одну проповѣдь.

Гарсиласо сдѣлалъ знакъ, бандиты тотчасъ устроили близъ одного дерева каедрю изъ большихъ камней; проповѣдникъ нехотя занялъ приготовленное для него мѣсто, а разбойники расположились кругомъ.

— О чемъ же я долженъ говорить вамъ? спросилъ проповѣдникъ.

«О добромъ ворѣ, отвѣчалъ начальникъ бандитовъ. Эта острота произвела громкій, ужасный хохотъ. Проповѣдникъ проговорилъ съ четверть часа и сошелъ съ каедры.

«Хорошо! хорошо! вскричалъ Гарсиласо. Сколько стоитъ твое поученіе?

Проповѣдникъ хотѣлъ поддержать шутливый тонъ.

— Васъ, братія, восьмеро, сказалъ онъ; это будетъ по одному піастру съ кажлаго.

«Я далъ бы и вдвое болѣе, если бы ты спросилъ; вотъ тебѣ восемь піастровъ.

Проповѣдникъ, довольный этою встрѣчею, хотѣлъ уже отправиться въ путь, но разбойникъ удержалъ его.

«Положите, батюшка, немного, сказалъ онъ: я не умѣю говорить поученія, но умѣю пѣть и хочу услышать ваше мнѣніе о моемъ голосѣ. Не опасайтесь, мои звуки не оскорбятъ вашихъ ушей. Я спою вамъ романсъ въ честь Сіда.

Разбойникъ запѣлъ самымъ фальшивымъ голосомъ:

Da Castilla iba marchando.

A Navarra con sa gente....

«По вкусу ли это вамъ, батюшка? Какъ дорого платятъ артистамъ?

— Это романсъ монотонный, сказалъ проповѣдникъ; музыканты прощли бы романсъ втрое или вчетверо длиннѣе, за два реала.

«Правда. Но я спою вамъ еще о погребеніи Сіда.

Myerto daze effe bien Bid

Que de Vibar se Uamaha....

«Предупреждаю васъ, батюшка, прибавилъ бандитъ, окончивъ послѣдній стихъ: я никогда не получалъ менѣе четырехъ піастровъ за одинъ романсъ, а вы слышали два.

Намекъ былъ ясенъ; проповѣдникъ возвратилъ разбойнику восемь піастровъ, сѣлъ на мула и поѣхалъ.

Гарсиласо опредѣлилъ смертную казнь каждому излѣбнику изъ своей шайки. Одинъ бандитъ попался въ тюрьму, и, чтобы заслужить прощеніе, открылъ убѣжище своихъ товарищей. На другой день, ночью, къ заключенному приходитъ Гарсиласо и уводитъ его за собою. Возлѣ тюрьмы стояли лошади, и разбойники тотчасъ поскакали въ лѣсъ, гдѣ ожидали ихъ товарищи.

«Несчастный! закричалъ Гарсиласо, когда они оба соединились съ товарищами: ты думалъ, что твоя излѣбна останется неизвѣстною; знай, что отъ меня ничто не ускользнетъ; я подвергалъ опасности собственную жизнь, чтобы освободить тебя; теперь я покажу на тебѣ примѣръ. Умри!

Раздался выстрѣлъ,—и бандитъ упалъ мертвый къ ногамъ своего начальника.

ПУТЕШЕСТВІЕ КЕРИМЪ-ХАНА. Знаменитый Индуставецъ, Керимъ-Ханъ, недавно издалъ книгу о своемъ

пробывания в Англии. Мугаммеданскій путешественникъ описываетъ публичные памятники, желѣзныя дороги, аэростаты, говоритъ о религии, о государственнхъ людяхъ, объ англійскихъ женщинахъ, о европейскои дѣятельности, и заключаетъ свое сочинение философическимъ очеркомъ англійской исторіи. Изъ англійскихъ государей болѣе всѣхъ ему нравится Генрихъ VIII, потому что онъ вступилъ въ борьбу съ папами и часто мѣнялъ своихъ женъ; послѣднее обстоятельство, въ глазахъ Керимъ-Хана, облачаетъ уваженіе Генриха къ азіатскимъ правамъ. Высокій путешественникъ не поладилъ съ европейскою астрономіею. за то, что она отвергла систему Птолемея и, вытолкнувъ земной шаръ изъ почетнаго положенія въ средоточіе вселенной, заставила его играть подчиненную роль. Но Керимъ-Ханъ чрезвычайно доволенъ тѣмъ, что могъ объяснить своимъ землякамъ, что за вещь знаменитая ость-индская компанія. «Прежде-чѣмъ я побывалъ въ Англии, говорить онъ, довольно часто, подобно многимъ другимъ, я слышалъ о Кумпани нашихъ франкскихъ господъ; но ни одинъ человекъ не зналъ, что это такое, или ли какое-нибудь лекарство, оружіе ли, лошадь ли, корабль, или что другое; большею частію, думали, что это какая-нибудь старуха; но такъ-какъ еще наши дѣды рассказывали, что они слышали объ ней отъ своихъ родителей, то всего непонятнѣе для насъ было это неестественное продолженіе жизни.» Ханъ съ удивленіемъ рассказываетъ, что онъ нашелъ въ Англии много другихъ компаній, какъ компанія застрахованія жизни, желѣзныхъ дорогъ и прочее. Многія замѣтки объ англійскомъ владычествѣ въ Индіи, внушенныя патристическимъ чувствомъ, облачаютъ въ путешественникѣ зрѣлый умъ и вѣрный взглядъ на состояніе своихъ соотечественниковъ и ихъ чужеземныхъ властелиновъ.

МИНЕРАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ. Въ настоящее время считается семь-тысячь-триста-тридцать минеральныхъ источниковъ, изъ которыхъ 96 въ Африкѣ, 231 въ Америкѣ, 272 въ Австраліи и 6827 въ Европѣ. Изъ европейскихъ государствъ, во Франціи находится 1053 источника, въ Австріи 1400, въ Пруссіи 544, въ Саксоніи 92, въ Россіи 522.

НЕОБЫКНОВЕННАЯ МОЛНИЯ. Девятаго декабря (21 по новому стилю) въ Кольмарѣ, въ Верхне-Рейнскомъ департаментѣ Франціи, въ десять часовъ вечера, жители замѣтили необыкновенный разливъ свѣта и, въ свѣтъ за тѣмъ, услышали сильный ударъ. Между-тѣмъ этотъ свѣтъ блисталъ гораздо долѣе, чѣмъ обыкновенная молнія, и какъ-будто искрился въ туманѣ. Въ то же время, этотъ феноменъ былъ замѣченъ во многихъ мѣстахъ Альзации и Швейцаріи. Въ долинахъ, при подошвѣ Вожскихъ горъ, раздался два такихъ сильныхъ удара, что въ крестьянскихъ домахъ трясась дверь и окна. Въ долиніи Мюнстеръ яркій свѣтъ, подобный свѣту дня, озарялъ весь горизонтъ. Сначала онъ сверкалъ довольно

слабо и усиливался постепенно; потомъ, послѣ сильнаго блеска, началъ ослабѣвать и угасъ мало-по-малу. Это явленіе продолжалось двѣнадцать, а по рассказамъ нѣкоторыхъ лицъ, тридцать секундъ. Спусти пять минутъ, раздались два сильные удара, похожіе на залпъ отдаленной батарее; окна и двери домовъ дрожали, какъ-будто во время землетрясенія. Городъ Делемонъ, въ Швейцаріи, былъ мгновенно освѣщенъ какъ-будто сіяніемъ дѣтняго солнца. Такой свѣтъ разливался два раза, въ продолженіе двухъ или трехъ секундъ. Этотъ метеоръ, кажется, надо отнести къ разряду метеорологическихъ камней или огненныхъ шаровъ, блуждающихъ тѣлъ, которыя, пересѣкая нашу атмосферу, электризуются или воспламеняются и дѣлаются свѣтлыми отъ сильного жара, производимаго въ нихъ треніемъ, или быстрымъ полетомъ въ атмосферѣ. Эти тѣла иногда съ трескомъ разрываются въ воздухѣ, иногда упадаютъ на землю; въ этомъ случаѣ они получаютъ названіе аеролитовъ; но нѣкоторые изъ нихъ продолжаютъ свой путь въ воздушномъ пространствѣ.

СМОЛЯНОЕ ОЗЕРО ВЪ ТЕХАСЪ. Въ Техасѣ, въ провинціи Джефферсонъ, открыто смоляное озеро, въ четверть мили длиною. Въ зимнее время его поверхность твердѣетъ и образуетъ родъ коры, которая имѣетъ довольно плотности, такъ-что можетъ выдержать тяжесть человека. Отъ ноября до марта, оно бываетъ покрыто слоемъ кисловатой воды. Въ продолженіе дѣла, въ серединѣ озера, постоянно бьетъ ключъ, который производитъ какое-то прозрачное масло. Эта жидкость, соприкасаясь съ воздухомъ, твердѣетъ и принимаетъ черныи цвѣтъ. Отвердѣвшую матерію можно было бы употреблять для освѣщенія, потому-что она горитъ довольно ярко и свѣтло, но имѣетъ она издаетъ отвратительный запахъ. Туземцы употребляютъ эту матерію, вмѣсто цемента, при постройкѣ своихъ зданій и стѣнъ.

НЕОБЫКНОВЕННОЕ ВОЛНЕНИЕ У БЕРЕГОВЪ КОРНАВАЛЛИСА. Осьмнадцатаго ноября (30 по новому стилю) прошлаго года, нѣсколько матросовъ, изъ Шейзанса, возвращаясь съ рыбной лодки, вдругъ замѣтили, что ихъ лодка очутилась на сушѣ, тогда-какъ до берега оставалось еще нѣкоторое разстояніе. Тотчасъ послѣ этого, волны устремились на нихъ со всею силою, и черезъ нѣсколько минутъ, они могли продолжать свое плаваніе. Эта быстрая смѣна прилива и отлива повторилась пять или шесть разъ менѣе чѣмъ въ одинъ часъ. Въ тотъ же день въ Плимутѣ замѣтили необыкновенный, по своей быстротѣ, приливъ и отливъ моря. Замѣчательно, что у береговъ Корнаваллиса подобное явленіе повторяется нерѣдко.

ДЫХАНІЕ РАСТЕНІЙ. Господинъ Пеписъ (Pepus), послѣ многолѣтнихъ наблюденій и опытовъ надъ дыханіемъ растеній, дошелъ до слѣдующихъ результатовъ, которые нѣсколько разнятся съ общепринятыми мнѣніями объ этомъ предметѣ. Листья, находящіеся въ здоровомъ со-

стояніи, всегда поглощаютъ азотъ и выдыхаютъ только кислородъ, но никогда не освобождаютъ азота. Это дѣйствіе совершается непрерывно, не только при дневномъ свѣтѣ, но и въ темнотѣ, хотя, въ послѣднемъ случаѣ, оно происходитъ съ болѣею медленностію. Первый пріемъ азота поглощается растеніемъ съ болѣею жадностію, чѣмъ другіе пріемы.

КОСТЯКИ ГИГАНТСКИХЪ ПТИЦЪ. Въ Новой Зеландіи, на берегахъ рѣки Вайроа, найдено множество костяковъ какихъ-то огромныхъ птицъ, которыя, по мнѣнію господина Овена, имѣли вышины отъ семи до десяти футовъ. Этихъ гигантскихъ птицъ, вѣроятно, было нѣкогда чрезвычайно много, но ихъ порода совершенно исчезла.

ПРИГОТОВЛЕНІЕ РОЗОВАГО МАСЛА ВЪ АРАВІИ. Розы, совершенно распустившіяся, кладутся въ какой-нибудь сосудъ и поливаются сверху водою, съ прибавленіемъ довольно большаго количества масла. Черезъ два или три дня, начинается дистиллировка, которая продолжается до-тѣхъ-поръ, пока дистиллированная жидкость приметъ желтый цвѣтъ. Эта жидкость, для охлажденія, сливается въ глиняные сосуды, поставленные въ водѣ. Достоинство ея разнится смотря потому, будетъ она слита въ началѣ, или въ концѣ дистиллировки. Для приготовленія розоваго масла употребляется жидкость, полученная при началѣ дистиллировки. Этой жидкостью наполняютъ большіе глиняные сосуды, которые покрываются хлостомъ и вкапываются въ землю дней на девять или на десять. Ихъ прикрываютъ еще соломою, которую сырыкиваютъ водою, чтобы такимъ образомъ усилить холодъ. Розовая вода мало-по-малу покрывается маслянистымъ слоемъ; это кристалльное вещество тотчасъ снимаютъ ситкою; вода снова подвергается охлажденію, до-тѣхъ-поръ, пока не останется въ ней ни малѣйшаго слѣда масла. Послѣ этого, розовую воду отправляютъ на рынки, либо готовятъ изъ нея еще розовое масло низшаго разбора, которое отсылается въ Европу подъ именемъ восточнаго розоваго масла. Въ послѣднемъ случаѣ, въ розовую воду вливаютъ какое-то масло, добываемое, въ Африкѣ, изъ пахучихъ деревьевъ; это масло напитывается сильнымъ запахомъ розовой воды и получаетъ достоинство розоваго масла.

БИБЛИОТЕКА ВО ФРАНЦІИ. Въ Парижѣ находится восемь публичныхъ библиотекъ, въ которыхъ считается до полутора милліона томовъ, такъ-что на каждого жителя столицы приходится по полутора тома. Въ департаментахъ считается двѣсти-восемьдесятъ публичныхъ библиотекъ. Число книгъ, находящихся во всѣхъ публичныхъ библиотекахъ Франціи, простирается до двѣнадцати-милліоновъ; значить, почти по одному тому приходится на трехъ человекъ. Кроме-того, въ Парижѣ есть много частныхъ библиотекъ, въ которыхъ болѣе шести-сотъ-двѣдцати-тысячь книгъ; многія изъ этихъ

зданій считаются библиографическими рѣдкостями и стоятъ чрезвычайно дорого.

СТАЛАКТИТОВЫЙ ГРОТЪ. Во Франціи, въ Венскомъ департаментѣ, близъ Пуатъе, недавно открытъ гротъ, усыпанный сталактитами и сталагмитами. Длина его около тридцати-пяти футовъ. Онъ состоитъ изъ двухъ отдѣленій, которыя поражаютъ любопытныхъ всѣми чудесами блестящей, роскошной кристаллизаціи. На днѣ грота найдены окаменѣлыя костяки, покрытыя сталагмитовою группою. Это послѣднее открытіе, быть можетъ, броситъ новый свѣтъ на свойства и образованіе сталактитовыхъ пещеръ. Температура во внутренности грота превышаетъ около пяти градусовъ температуру вѣшняго воздуха.

ПЛОВУЧЕЕ СВОЙСТВО МАТРАЦА ИЗЪ ПРОВКОВАГО ДЕРЕВА. Въ Англии недавно произведены опыты надъ пловучимъ свойствомъ пробковаго дерева, обращеннаго въ порошокъ. Матрацъ, набитый этимъ порошокомъ, тянулъ только двадцать-пять фунтовъ, между-тѣмъ на немъ семь человекъ могли держаться на водѣ. Кроме того, матрацы и подушки, набитые порошокомъ пробковаго дерева, по своей мягкости, не уступаютъ матрацамъ съ лучшимъ конскимъ волосомъ.

СТАТИСТИЧЕСКІЯ СВѣДѢНІЯ О КИТАЕ. По послѣднимъ извѣстіямъ, пространство Китайской Имперіи равняется 381,516,990 гектарамъ; слѣдовательно, Китаю, по своей обширности, въ пять разъ болѣе Франціи. Число жителей въ Китаѣ простирается до 361,793,879 человекъ, которые составляютъ 188,326 фамилій. Въ арміи китайскаго императора считается 1,291,641 солдатъ. Все государство раздѣляется на 18 провинцій, въ которыхъ находится 153 городовъ перваго разряда, 1312 — втораго и 2357 укрѣпленныхъ мѣстечекъ.

ПАРИЖСКІЕ ТЕАТРЫ. Калиостро, комическая опера въ трехъ дѣйствіяхъ. Слова господъ Скриба и Сенъ-Жоржа, музыка господина Адольфа-Адама. — Дѣйствіе происходитъ въ Парижѣ. Калиостро успѣлъ уже приобрести громкую славу; и въ городѣ и при дворѣ только и разговоры, что о знаменитомъ алхимикѣ. Онъ, говорятъ, дѣлаетъ золото, владѣетъ чуднымъ эликсиромъ долгой жизни и еще болѣе драгоценнымъ эликсиромъ живой воды, которая возвращаетъ молодость. Между-тѣмъ славный алхимикъ страдаетъ отъ безпокойныхъ кредиторовъ. Чтобы выпутаться изъ этого непріятнаго положенія, Калиостро не хочетъ тратить времени на выдѣлку золотыхъ слитковъ, а просто доказываетъ кредиторамъ, что они, по ошибкѣ, принимаютъ его за какого-то Бальзамо, на котораго онъ похожъ, какъ двѣ капли воды. Но Бальзамо и Калиостро, въ самомъ дѣлѣ, одно и то же лицо, и это лицо чрезвычайно нуждается въ деньгахъ. Какъ же достать денегъ? Какъ добыть золото? Карраколи, кумъ, шпіонъ, слуга и повѣренный Калиостро, придумалъ одно средство. Они въ домѣ маркизы де-Вольмеранжъ, которой ужасно хочется

помолодѣть. Ума ризицы есть племянница Сесилія. Сесилія — прелестная молодая дѣвушка, съ миллионъ приданого. «На ней можно жениться, говорить Карраколи. — Правда, отвѣчаетъ алхимикъ, я сдѣлаю миллионъ. Я женюсь на ней... Но Сесилія влюблена въ одного молодого человѣка, и тетка, быть-можетъ, не захочетъ противорѣчить выбору своей племянницы... Какіе пустяки! Калиостро не прослылъ бы великимъ человѣкомъ, если бы подобныя препятствія могли остановить его. Онъ видѣлъ, какъ одинъ человѣкъ передалъ какое-то письмо жениху Сесиліи; это непременно любовное посланіе. Сквозь платье и портфель своего соперника, онъ читаетъ письмо и пересказываетъ его содержаніе. Молодой человѣкъ горючитъ, споритъ; но ревность уже запала въ сердце Сесиліи; она не вѣритъ болѣе своему жениху. Въ самомъ дѣлѣ, за нѣсколько времени прежде, онъ былъ влюбленъ въ хорошенькую италіянскую пѣвицу Кориллу, которую онъ спасъ отъ несчастной смерти, когда она, съ какого-то отчаянія, бросилась въ Тибръ. Но теперь онъ измѣнилъ пѣвицѣ и влюбился въ Сесилію. Корилла узнаетъ это и хочетъ отомстить за себя. Она является къ Сесиліи и показываетъ ей письма и подарки вѣроломнаго. Этого довольно; Сесилія не хочетъ и слышать о своемъ женихѣ. Калиостро торжествуетъ. Старая маркиза проситъ волшебника, чтобы доставилъ ей живой воды, которая бы возвратила ей красоту и свѣжесть юности. Но, къ несчастію, драгоценнаго элексира осталось лишь нѣсколько капель, которыя могутъ возвратитъ молодость не болѣе, какъ минуты на двѣ. «Пусть такъ, говоритъ маркиза, все-таки позвольте мнѣ проглотить ихъ!» Она выпиваетъ капли. «О Небо! вскрикиваетъ Карраколи, который вошелъ въ эту минуту въ комнату, какъ-будто случайно: кто это молодая красавица? — Это маркиза, мой другъ; я возвратилъ ей молодость! — Великій человѣкъ! — Зеркало, скорѣе зеркало! говоритъ маркиза.» Но Калиостро предвидѣлъ развязку; онъ спряталъ всѣ зеркала. Стучать въ дверь. «Идите, идите! кричитъ Карраколи, подивитесь этому чуду!» Онъ вводитъ посѣтителей въ комнату. Боже мой! все кончено! очарованіе исчезло, она опять стала старухою. Маркиза въ отчаяніи. Но Калиостро стоитъ только захотѣть, — и онъ одаритъ маркизу цвѣтущею молодостію, если она согласится отдать ему руку своей племянницы. Маркиза согласна на все.

Между-тѣмъ, женихъ Сесиліи не унываетъ. Онъ хочетъ отомстить шарлатану. Нѣсколько десятковъ лундоровъ, ланныхъ Карраколи, открываютъ всѣ продѣлки Калиостро. Онъ даже узнаетъ, что Калиостро имѣетъ жену, и, не теряя ни минуты, является къ алхимику. Калиостро видитъ всю опасность, какую грозитъ ему правосудіе. Но молодой человѣкъ даетъ слово, что онъ оставитъ алхимика въ покоѣ. Одно только условіе: Ка-

лиостро долженъ въ ту же минуту написать формальное отреченіе отъ руки Сесиліи. — Хорошо. Диктуйте, милостивый государь, я стану писать, говоритъ Калиостро, подавая собесѣднику, какъ-будто по обыкновенію, свою табакерку. Молодой человѣкъ беретъ щепотку измѣническаго порошка. Это сильное наркотическое средство. Черезъ нѣсколько секундъ, онъ засыпаетъ крѣпкимъ сномъ; открывается половая доска и его кресла опускаются въ подземелье.

Калиостро отправляется въ домъ маркизы. Контрактъ готовъ, стоитъ только подписаться. Признательный алхимикъ подаетъ маркизѣ драгоценный элексиръ. Маркиза подноситъ его къ своимъ губамъ, но Калиостро удерживаетъ ее. «Постойте, говоритъ онъ, этотъ чудный элексиръ, какъ и дорогія вина, получаетъ свои драгоценныя свойства не иначе, какъ спустя нѣсколько времени послѣ приготовленія. Его надо продержать въ стеклянкѣ... мѣсяца три по-крайней-мѣрѣ.» Маркиза рѣшается и на это. Хотятъ подписать контрактъ; но вдругъ являются три лица, которыя испортили все дѣло: сначала Коррिला, потомъ женихъ Сесиліи, который успѣлъ вырваться изъ подземелья, и, наконецъ, принцъ баварскій. Последний влюбился въ пѣвицу, и уже выпросилъ у папы позволеніе расторгнуть бракъ, въ который она недавно вступила съ какимъ-то негодеемъ Бальзамо. Коррिला узнаетъ, что въ кабинетѣ маркизы какая-то ясновидица ожидаетъ Калиостро, который долженъ показать собранію свое искусство въ магнетизированіи. Воспользовавшись случаемъ, пѣвица надѣваетъ костюмъ ясновидицы, накидываетъ ея покрывало и занимаетъ ея мѣсто. Начинается магнетизированіе. «Я вижу, говоритъ усыпленная ясновидица, одного негодея, Бальзамо, который недавно женился въ Италіи, а теперь, отъ живой жены, хочетъ вступить въ новый бракъ. — Боже мой! какой голось!» Калиостро поднимаетъ покрывало и узнаетъ свою жену. — «Да, это я, говоритъ она шопотомъ, и если ты не откажешься сейчасъ отъ руки Сесиліи, если не возвратишь приданого ея жениху; я сдѣлаю, что тебя повѣсятъ, какъ двоеженца.» Калиостро повинуется. «Я вижу, продолжаетъ Коррिला, одну несчастную италіянскую пѣвицу; ея бракъ съ интригантомъ Бальзамо уже расторгнутъ папою.» — «Проклятіе! вскрикиваетъ Калиостро, я былъ свободенъ.» Но уже поздно... Алхимикъ отказывается отъ руки Сесиліи и возвращаетъ маркизѣ ея слово. Маркиза, тронутая такимъ благороднымъ поступкомъ Калиостро, протягиваетъ ему руку. Такое благородство, говоритъ она, заслуживаетъ награду. Пріѣзжайте къ намъ черезъ три мѣсяца.

Не смотря на запутанность интригъ, на длинныя монологахъ объ алхиміи и магнетизмѣ, эта пьеса, оживленная комическими сценами и новостію взгляда на Калиостро, пользуется заслуженнымъ успѣхомъ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Въ книжномъ магазинѣ К. А. Полеваго, на Невскомъ проспектѣ, противъ городской думы, въ домѣ Рогова, продаются слѣдующія книги:

ОПИСАНІЕ ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1828 и 1829 г. Сочиненіе Гвардіи Капитана Лукьяновича. Съ картинами и планами. Въ двухъ частяхъ. Цѣна 6 рублей серебромъ.

МИХАЙЛО ВАСИЛЬЕВИЧЪ ЛОМОНОСОВЪ. Изд. И. Болчарова.

ОПЫТЪ НИДЕРЛАНДСКОЙ АНТОЛОГІИ. П. Карсакова.

СТРАЖДУЩІЙ И УМИРАЮЩІЙ ИСКУПИТЕЛЬ. Благочестивыя размышленія и бесѣды о страданіяхъ Господа нашего І. Х., на каждый день мѣсяца. А. Маркова.

ПОѢЗДКА ВЪ ЯКУТСКЪ. И. Шукіна.

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО СВЯТОЙ ЗЕМЛѢ въ 1835 году. Авраама Норова. Изданіе вто-

рое, дополненное. Съ гравюрами, планами, картою и еще не изданнымъ изображеніемъ внутренности вертепа Гроба Господня. Цѣна 5 руб. 75 коп. сереб. на пересылку прилагается за 5 фунтовъ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО ЕГИПТУ И НУБИИ, служащее дополненіемъ къ путешествію по Святой землѣ, въ 2-хъ частяхъ, съ 20 гравюрами и картами. Цѣна 5 руб. 75 коп. сереб. на пересылку прилагается за 7 фунтовъ. Желающіе выписать оба эти сочиненія, платятъ 10 руб. 50 к. сереб. съ пересылкою 12 руб. серебромъ.

ЗАПИСКИ О ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ. Профессора Т. Степанова. Цѣна 3 руб. сереб. на пересылку 50 коп.

Этот журнал выходит четыре раза въ мѣсяцъ. Подписная цѣна, серебромъ, за годъ 14 руб. 30 коп., за полгода — 8 руб. На почтовую пересылку за годъ 1 рубль 50 копѣекъ, за полгода 75 копѣекъ. За доставку въ С. Петербургъ на домъ, въ теченіе года или полу-года, 70 копѣекъ.

Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ К. А. Полеваго: 1) въ С. Петербургѣ, на Невскомъ-Проектѣ, въ домъ Рогова, противъ Думы; 2) въ Москвѣ, на Тверской, въ домъ Матвеевой. Иногородные адресуются въ Газетную Экспедицію Санктпетербургскаго Почтамта.

199
198
33
64

№ 5. АПРѢЛЬ 1844.

A. 139
36
~~438~~

СЫНЪ

ОТЕЧЕСТВА

СОДЕРЖАНІЕ.

Современная Исторія и Политика. Внутреннія и заграничныя извѣстія. — *Иностранная Слоесность.* Альбина, повесть Александра Дюма. — *Науки и Художества.* Гаспаръ Лаватеръ, соч. Дессаль-Режп. — *Смѣсь.* Колонія ученыхъ и литераторовъ въ Америкѣ. — *Ледяная пещера въ карпатскихъ горахъ.* — *Новооткрытая порода четвероногихъ.* — *Успѣхи общества трезвости въ Ирландіи.* — *Распространеніе кодекса французскихъ законовъ.* — *Гидравлическая желѣзная дорога.* Статистика бѣдныхъ во Франціи. — *Гигантскій телескопъ.* — *Метеорологическая обсерваторія на Везувіи.* — *Новая періодическая комета.* Землетрясеніе на ван-дименовой землѣ. При этомъ номерѣ приложенъ портретъ Президента Палаты Перовъ, Капцлера Франціи, барона Пакье.

ГОДЪ ТРИЦАТЬ-ВТОРОЙ.